

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> приятного чтения!

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков

Пьеса в четырех действиях и, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной... "Евгений Онегин"

Действуют:

Пушкина.

Гончарова.

Воронцова.

Салтыкова.

Смотрительша.

Горничная девушка.

Битков.

Никита.

Дантес.

Шишкин.

Бенедиктов.

Кукольник.

Долгоруков.

Богомазов.

Салтыков.

Николай I.

Жуковский.

Геккерен.

Дубельт.

Бенкендорф.

Ракеев.

Пономарев.

Строганов.

Данзас.

Даль.

Студент.

Офицер.

Станционный смотритель.

Тургенев.

Воронцов.

Филат.

Агафон.

Первый преображенец.

Второй преображенец.

Негр.

Камер-юнкер.

Василий Максимович.

Слуга.

Квартальный.

Жандармские офицеры.

Жандармы.

Полиция.

Группа студентов.

Толпа. Действие происходит в конце января и в начале февраля 1837 года. ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге.

Горят две свечи на стареньком фортепьяно и свечи в углу возле стоячих часов.

Через открытую дверь виден камин и часть книжных полок в кабинете. Угли

тлеют в камине кабинета и в камине гостиной. Александра Николаевна Гончарова

сидит за фортепьяно, а часовой мастер Битков с инструментами стоит у часов. Часы

под руками Биткова то бьют, то играют. Гончарова тихо наигрывает па фортепьяно

и напевает. За окном слышна вьюга. Гончарова (напевает). "...И печальна и

темна... Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... Буря мглою небо кроет,

вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя..."

Битков. Какая чудная песня! Сегодня я чинил тоже у Прачешного мосту, на мосту

иду, господи... крутит, вертит! и в глаза, и в уши!.. (Пауза.) Дозвольте узнать,

это кто же такую песню сочинил?

Гончарова. Александр Сергеевич.

Битков. Скажите! Ловко. Воеет в трубе, истинный бог, как дитя. Прекрасное

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru сочинение. Донесся дверной колокольчик. Входит Никита. Никита. Александра Николаевна, подполковник Шишкин просят принять.

Гончарова. Какой Шишкин?

Никита. Шишкин, подполковник.

Гончарова. Зачем так поздно? Скажи, что принять не могу.

Никита. Да ведь как же, Александра Николаевна, его не принять?

Гончарова. Ах ты, боже мой, вспомнила!.. Приси сюда.

Никита. Слушаю. (Идет к дверям.) Ах, неволя... ах, разорение... (Уходит.) Пауза.

Шишкин (входя). Покорнейше прошу извинить, очки запотели. Имею честь рекомендовать себя: подполковник в отставке, Алексей Петров Шишкин. Простите великодушно, что потревожил. Погода-то, а? Хозяин собаку на улицу не выгонит. Да что же поделаешь? А с кем имею честь говорить?

Гончарова. Я сестра Наталья Николаевна.

Шишкин. Ах, наслышан. Чрезвычайно рад нашему знакомству, мадемуазель.

Гончарова. Veuillez-vous s'asseoir, monsieur {Прошу вас, садитесь (фр.)}.

Шишкин. Парле рюс, мадемуазель. Благодарствуйте. (Садится.) Погодка-то, говорю, а?

Гончарова. Да, метель.

Шишкин. Могу ли видеть господина камер-юнкера?

Гончарова. Очень сожалею, но Александра Сергеевича нет дома.

Шишкин. А супругу ихнюю?

Гончарова. И Наталья Николаевна в гостях.

Шишкин. Ах, ведь этакая незадача. Ведь это что же, никак не застанешь.

Гончарова. Вы не извольте беспокоиться, я могу переговорить с вами.

Шишкин. Мне бы самого господина камер-юнкера. Ну, слушаю, слушаю. Дельце-то простое. В разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчуга и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями.

Гончарова. Я знаю...

Шишкин. Двенадцать с половиной, как одна копеечка.

Гончарова. А вы не могли бы еще потерпеть?

Шишкин. С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надо входить. Ведь туловище-то прокормить надобно. А у меня сыновья, осмелюсь доложить, во флоте. Их поддерживать приходится. Приехал предупредить, сударыня, завтра продаю вещи. Персиянина нашел подходящего.

Гончарова. Убедительно прошу подождать. Александр Сергеевич уплатит проценты.

Шишкин. Верьте, не могу. С ноября месяца ждем, другие бы давно продали.

Персиянина упустить боюсь.

Гончарова. У меня есть фермуар и серебро. Может быть, вы посмотрели бы?

Шишкин. Прошу прощения, канитель с этим серебром, сударыня. А персиянин...

Гончарова. Ну помилуйте, как же так без вещей остаться! Может быть, вы все-таки взглянули бы? Прошу вас в мою комнату.

Шишкин. Ну что же, извольте. (Идет вслед за Гончаровой.) Квартира славная какая. Что платите?

Гончарова. Четыре тысячи триста.

Шишкин. Дороговато. (Уходит с Гончаровой во внутренние комнаты.) Битков, оставшись один, прислушивается, подбегает со свечой к фортепьяно, рассматривает ноты, поколебавшись, входит в кабинет. Читает названия книг, затем, испуганно перекрестившись, скрывается в глубине кабинета. Через некоторое время возвращается на свое место к часам в гостиную. Входит

Гончарова, за ней Шишкин с узелком в руках. Гончарова. Я передам.

Шишкин. Векселек мы, стало быть, перепишем. Только уж вы попросите Александра Сергеевича, чтобы они сами пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят. Четвертая Измайловская рота в доме Борщова, в заду во дворе маленькие оконца... Они знают... (У двери.) Оревуар, мадемуазель.

Гончарова. Au revoir, monsieur. Шишкин уходит. Битков (закрывает часы, кладет инструменты в сумку). Готово, барышня, живут. А в кабинете... Я уж завтра зайду.

Гончарова. Хорошо.

Битков. Прощения просим. (Уходит.) Гончарова - у камина. В дверях появляется

Никита. Никита. Эх, Александра Николаевна!

Гончарова. Ну что тебе?

Никита. Эх, Александра Николаевна! (Пауза.) Вот уж и ваше добро пошло.

Гончарова. Выкупим.

Никита. Из чего же это выкупим? Не выкупим, Александра Николаевна.

Гончарова. Да что ты каркаешь сегодня надо мной?

Никита. Не ворон я, чтобы каркать. Раулю за лафит четыреста целковых, ведь это подумать страшно! Каретнику, аптекарю... В четверг Карадыгину за бюро платить

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru надобно. А заемные письма? Да лих бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы его, поедем в деревню. Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово. Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое, все втрое. И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали, и бессонница...

Гончарова. Скажи Александру Сергеевичу сам.

Никита. Сказывал-с. А они отвечают: "Ты надоел мне, и без тебя голова вихрем идет". Как не надоест, за тридцать лет!

Гончарова. Ну, Наталья Николаевна скажи.

Никита. Не буду говорить Наталье Николаевне, не поедет она. (Пауза.) А без нее? Поехали бы вы, детишки и он.

Гончарова. Ополумел, Никита?

Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили... Детишкам и простор и удобство.

Гончарова. Перестань меня мучить, Никита, уйди. Никита уходит. Гончарова, посидев немного у камина, уходит во внутренние комнаты. Слышится колокольчик. В кабинет, который в полумраке, входит не через гостиную, а из передней Никита, а за ним мелькнул и прошел в глубь кабинета какой-то человек. В глубине кабинета зажгли свет. Никита (глухо, в глубине кабинета). Слушаю-с, слушаю-с, хорошо. (Входит в гостиную.) Александра Николаевна, они больные приехали, просят вас.

Гончарова (входя). Ага, сейчас.

Никита уходит в столовую.

(Стукнув в дверь кабинета.) On entre? (Входит в кабинет. Голос ее слышен глухо.) Alexandre, etes-vous indispose? {Можно войти?.. Александр, вам нездоровится? (фр.)} Лежите, лежите. Может быть, послать за доктором? (Выходит в гостиную, говорит Никите, который входит с чашкой в руках.) Раздевай барина. (Отходит к камину, ждет.) Никита – некоторое время в кабинете, а потом уходит в переднюю, закрыв за собой дверь. (Входит в кабинет. Слова ее слышны глухо.) Все благополучно... Нет, нет... Колокольчик. Никита входит в гостиную. Гончарова тотчас выбегает к нему навстречу. Никита (подавая письмо). Письмо Алек... Гончарова (грозит Никите, берет письмо). А, от портнихи? Хорошо. Скажи, что буду завтра днем. Ну чего ты стал, ступай (Тихо.) Тебе сказано не подавать писем. Никита уходит. (Возвращается в кабинет. Голос ее слышен глухо.) Бог с вами, Александр, говорю же – от портнихи. Право, я пошла за лекарем. Дайте, я вас перекрещу... Что?.. Хорошо. Я умоляю вас не тревожиться. Свет в кабинете гаснет. Гончарова возвращается в гостиную, закрывает дверь в кабинет, задергивает ее портьерой. (Читает письмо. Прячет.) Кто эти негодяи? Опять. Боже правый! (Пауза.) В деревню надо ехать. Он прав. Послышался стук. Глухо голос Никиты. Появляется Наталья Николаевна Пушкина. Она развязывает ленты капора, бросает его на фортепьяно, близоруко шуруется. Пушкина. Ты не спишь? Одна? Пушкин дома? Гончарова. Он приехал совсем больной, лег, просил его не беспокоить. Пушкина. Ах, бедный! Да немудрено, буря-то какая, господи! Нас засебло снегом. Гончарова. С кем ты приехала? Пушкина. Меня проводил Дантес. Ну что ты так смотришь? Гончарова. Значит, ты все-таки хочешь беды? Пушкина. Ах, ради всего святого, без нотаций. Гончарова. Таша, что ты делаешь? Зачем ты напрашиваешься на несчастье? Пушкина. Ah, mon Dieu! Азя, это смешно! Ну что худого в том, что beau-frere {Бог мой!.. Муж сестры (фр.)} меня проводил? Гончарова подает письмо Пушкиной. (Читает, шепнет.) Он видел? Гончарова. Бог спас. Никита хотел подать. Пушкина. Ах, старый дуралей! (Бросает письмо в камин.) Несносные люди! Кто это делает? Гончарова. Это тебе не поможет. Сгорит это, но завтра придет другое. Он все равно узнает. Пушкина. Я не отвечаю за анонимные наветы. Он поймет, что все это неправда. Гончарова. Зачем же ты мне-то говоришь так? Нас никто не слышит. Пушкина. Ну хорошо, хорошо. Я сознаюсь, я точно виделась с ним один раз у Идалии, но это вышло нечаянно. Я и не подозревала, что он придет туда. Гончарова. Таша, поедем в деревню. Пушкина. Бежать из Петербурга? Прятаться в деревне? Из-за того, что какая-то свора низких людей... Презренный аноним... Он и подумает, что я виновата. Между нами ничего нет... Покинуть столицу? Ни с того ни с сего? Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне, благодарю покорно.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Гончарова. Тебе нельзя видаться с Дантесом. Неужели ты не хочешь понять, как ему тяжело? И притом денежные дела так запутаны...

Пушкина. Что же прикажешь мне делать? Естественно, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства.

Гончарова. Я не понимаю тебя.

Пушкина. Не терзай себя, Азя, ложись спать.

Гончарова. Прощай. (Уходит.) Пушкина одна, улыбается, очевидно, что-то вспоминает. В дверях, ведущих в столовую, бесшумно появляется Дантес. Он в шлеме, в шинели, запорошен

снегом, держит в руках женские перчатки. Пушкина (шепчет). Как вы осмелились? Как вы проникли? Сию же минуту покиньте мой дом. Какая дерзость! Я приказываю вам!

Дантес (говорит с сильным акцентом). Вы забыли в санях ваши перчатки. Я боялся, что завтра озябнут ваши руки, и я вернулся. (Кладет перчатки на фортепьяно, прикладывает руку к шлему и поворачивается, чтобы уйти.)

Пушкина. Вы сознаете ли опасность, которой меня подвергли? Он за дверьми. (Подбегает к двери кабинета, прислушивается.) На что вы рассчитывали, когда входили? А ежели бы в гостиной был он? Он запретил пускать вас на порог! Да ведь это же смерть!

Дантес. *Chaque instant de la vie est un pas vers la mort* {Каждое мгновение жизни – это шаг к смерти (фр.)}. Слуга сказал мне, что он спит, и я вошел.

Пушкина. Он не потерпит. Он убьет меня!

Дантес. Из всех африканцев сей, я полагаю, самый кровожадный. Но не тревожьте себя – он убьет меня, а не вас.

Пушкина. У меня темно в глазах, что будет со мной!

Дантес. Успокойтесь, ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится.

Пушкина. Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, покиньте дом.

Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас, не заклиняйте меня.

Пушкина. Уйдите!

Дантес. Ах нет. Вы причина того, что совершаются безумства. Вы не хотите выслушать меня никогда. А между тем есть величайшей важности дело. Надлежит слушать. Там... Да? Иные страны. Скажите мне только одно слово – и мы бежим.

Пушкина. И это говорите вы, месяц тому назад женившись на Екатерине, на моей сестре? Вы и преступны, вы и безумии! Ваши поступки не делают вам, чести, барон.

Дантес. Я женился на ней из-за вас, с одной целью – быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим.

Пушкина. У меня дети.

Дантес. Забудьте.

Пушкина. О, ни за что!

Дантес. Я постучу к нему в дверь.

Пушкина. Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель? Дантес целует Пушкину. О жестокая мука! Зачем, зачем вы появились на нашем, пути? Вы заставили меня и лгать и вечно трепетать... Ни ночью сна... ни днем покоя... Бьют часы. Боже мой, уходите!

Дантес. Придите еще раз к Идалии. Нам необходимо поговорить.

Пушкина. Завтра началу у Воронцовой в зимнем саду подойдите ко мне. Дантес поворачивается и уходит. (Прислушивается.) Скажет Никита или не скажет? Нет, не скажет, ни за что не скажет. (Подбегает к окну, смотрит в него.) О горькая

отрава! (Потом – к двери кабинета, – прикладывает ухо.) Спит. (Крестится, задувает свечи и идет во внутренние комнаты.) Тьма. Потом из тьмы – зимний;

день. Столовая в квартире Сергея Васильевича Салтыкова. Рядом богатая

библиотека. Из библиотеки видна часть гостиной. В

столовой накрыт завтрак; Филат стоит у дверей. Кукольник. Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего отечественного поэта – Владимира Григорьевича Бенедиктова. Вот истинный светоч и талант!

Бенедиктов. Ах, Нестор Васильевич!

Кукольник. Преображенцы, поддержите меня! Вы высоко цените его творчество!

Преображенцы (двое, сыновья Салтыкова) улыбаются.

Салтыкова. *Enchante de vous voir* {Очень рада вас видеть (фр.)}. Чрезвычайно рада вас видеть, господин Бенедиктов. И Сергей Васильевич любит наших литераторов. Следом за Бенедиктовым, скромным человеком в вицмундире, подходит к руке

Салтыковой хромой князь Петр Долгоруков. Рада вас видеть, князь Петр

Владимирович. В столовой появляется Иван Варфоломеевич Богомазов. Богомазов.

Александра Сергеевна. (Подходит к руке Салтыковой.) А почтеннейшего Сергея Васильевича еще нет, я вижу?

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Салтыкова. Он тотчас будет, просил извинить. Наверно, в книжной лавке задержали.

Богомазов (Долгорукову). Здравствуйте, князь.
Долгоруков. Здравствуйте.

Богомазов (Кукольнику). Был вчера на театре, видел вашу пиэсу. Подлинное наслаждение! Публики – яблоку негде упасть! Позвольте поздравить вас и облобызать. Многая, многая лета, Нестор Васильевич!

Филат. Сергей Васильевич приехали.

Кукольник (тихо, Бенедиктову). Ну, брат, насмотришься сейчас. Салтыков входит. Он в цилиндре, в шубе, с тростью и с фолиантом под мышкой. Ни на кого не глядя, следует к Филату. Бенедиктов кланяется Салтыкову, но поклон его попадает в пустое пространство. Долгоруков, Богомазов и Кукольник смотрят в потолок, делая вид, что не замечают Салтыкова. Филат наливает чарочку водки. Салтыков окидывает невидящим взором группу гостей, выпивает, закусывает кусочком черного хлеба, прищуривается. Преображенцы улыбаются. Салтыков (сам себе). Да-с, не угодно ли? *Secundus pars! Secundus!* {Второй часть. Второй (лат.) Салтыков подчеркивает типографскую опечатку. Правильно "*secunda pars*" – вторая часть, так как "*pars*" женского рода. (Исторический случай – у Салтыкова действительно была эта книга с указанной опечаткой.)} (Смеется сатанинским смехом и выходит.) Бенедиктов бледнеет. Салтыкова. *Moi mari!*... {Мой муж... (фр.)}

Кукольник. Александра Сергеевна, не извольте беспокоиться. Знаем, знаем. На отечественном языке говорите, Александра Сергеевна. Вы услышите, как звучит наш язык в устах поэта.

Салтыкова (Бенедиктову). Мой муж – страшнейший чудак. Я надеюсь, что это не помешает вам чувствовать себя у нас без церемонии.

Салтыков возвращается. Он без цилиндра, без шубы, без трости, но по-прежнему с фолиантом. Тут все обращают к нему оживленные лица.

Салтыков. А! Весьма рад! (Стучит по фолианту.) *Secundus pars. Secundus!*

Преднамеренная опечатка! *Corpus juris romanī! Elzevir!* {Свод римских законов!

Эльзевир! (лат.) Эльзевир – голландская типография XVI-XVII веков.}

(Преображенцам.) Здравствуйте, сыновья. Преображенцы улыбаются. Богомазов.

Позвольте же поглядеть, Сергей Васильевич.

Салтыков. Назад!

Салтыкова. Серж, ну что это, право!

Салтыков. Книги не для того печатаются, чтобы их руками трогать. (Ставит книгу на камин. Салтыковой.) Ежели ты только ее тронешь...

Салтыкова. И не подумаю, и не надобно мне.

Салтыков. Филат, водки! Прошу вас.

Салтыкова. Прошу к столу. Усаживаются. Филат подает. Салтыков (глядя на руку Кукольника). А вас можно поздравить,

Кукольник. Да-с, государь император побаловал.

Долгоруков. Рука всевышнего вас наградила, господин Кукольник.

Салтыков. Неважный перстенок!

Кукольник. Сергей Васильевич!

Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее. Филат! Что там на камине?

Филат. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Филат. Слушаю.

Салтыков. Да, вспоминается мне... В бытность мою молодым человеком император Павел пожаловал мне звезду, усеянную алмазами необыкновенной величины.

Преображенцы косятся на Салтыкова. А такой перстень я и сам могу себе купить за двести рублей или за полтора.

Салтыкова, Серж, ну что ты говоришь! Бенедиктов подавлен. И все ты наврал, и никакой звезды у тебя нет.

Салтыков. Ты ее не знаешь. Я ее прячу от всех вот уж тридцать семь лет с табакерками вместе,

Салтыкова. Ты бредишь.

Салтыков. Не слушайте ее, господа. Женщины ничего не понимают в наградах, которые раздают российские императоры... Только что видел... проехал по Невскому... *le grand bourgeois* {Первый буржуа (фр.)} ..в саночках, кучер Антип...

Богомазов. Вы хотите сказать, что видели государя императора, Сергей Васильевич?

Салтыков. Да, его.

Богомазов. У императора кучер Петр.

Салтыков. Нет. Антип – кучер у императора.

Долгоруков. Ежели не ошибаюсь, Сергей Васильевич, случай со звездой был тогда

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
же, что и с лошадьё?

Салтыков. Нет, князь, вы ошибаетесь. Сие происшествие случилось позже, уже в царствование императора Александра. (Бенедиктову.) Итак, извольте заниматься поэзией?

Бенедиктов. Да-с.

Салтыков. Опасное занятие. Вот вашего собрата по перу Пушкина недавно в Третьем отделении собственной его величества канцелярии отодрали.

Салтыкова. С тобой за столом сидеть нет никакой возможности! Ну какие ты неприятности рассказываешь!

Салтыков. Кушайте, пожалуйста, господа. (Салтыковой.) Ты напрасно так спокойно относишься к этому, тебя тоже могут отодрать.

Салтыкова. Перестань, умоляю тебя.

Долгоруков. Между прочим, это, говорят, верно. Я тоже слышал, только это было давным-давно.

Салтыков. Нет, я только что слышал. Проезжаю мимо Цепного мосту, слышу, человек орет. Спрашиваю: что такое? А это, говорят, барин, Пушкина дерут.

Богомазов. Помилуйте, Сергей Васильевич, это петербургские басни!

Салтыков. Какие же басни? Меня самого чуть не отодрали однажды. Император Александр хотел мою лошадь купить и хорошую цену давал – десять тысяч рублей. А я, чтобы не продавать, из пистолета ее застрелил. К уху приложил пистолет и выстрелил. (Бенедиктову.) Ваши стихотворения у меня есть в библиотеке. Шкаф зет. Сочинили что-нибудь новое?

Кукольник. Как же, Сергей Васильевич. (Бенедиктову.) Прочитай "Напоминание".

Преображенцы, вы любите поэзию, просите его. Преображенцы улыбаются. Салтыкова.

Ах да, да, мы все просим. Право, это так приятно после мрачных рассказов о том, как кого-то отодрали...

Бенедиктов. Право, я... плохо помню наизусть...

Салтыков. Филат, перестань греметь блюдом.

Бенедиктов. Нина, помнишь ли мгновенья,

Как певец усердный твой,

Весь исполненный волненья,

Очарованный тобой...

В шумной зале... Ах, право, я забыл... Как... как... Как вносил я в вихрь круженья

Пред завистливой толпой

Стан твой, полный обольщенья,

На ладони огневой.

И рука моя лениво

Отделялась от огней

Бесконечно прихотливой

Дивной талии твоей;

И когда ты утомлялась

И садилась отдохнуть,

Океаном мне являлась

Негой зыблемая грудь,

И на этом океане

В пене млечной белизны

Через дымку, как в тумане.

Рисовались две волны... Преображенцы, перемигнувшись, выпивают. Ты внимала мне приветно,

А шалун главы твоей

Русый локон незаметно

По щеке скользил моей.

Нина, помнишь те мгновенья,

Или времени поток

В море хладного забвенья

Все заветное увлек? Кукольник. Bravo, bravo! Каков! Преображенцы, аплодируйте.

Все аплодируют. Салтыкова. Блистательное произведение!

Богомазов. Прелестная поэма!

Салтыков. А может, вас и не отдерут.

Филат (Салтыковой). К вам графиня Александра, Кирилловна Воронцова.

Салтыкова. Проси в гостиную. (Вставая.) Простите, господа, я покину вас. Ежели угодно курить, прошу. (Скрывается в гостиной.) Салтыков с гостями переходит в библиотеку. Филат подает шампанское и трубки. Кукольник. Здоровье первого поэта отечества?

Богомазов. Фора! Фора!

Салтыков. Первый поэт?

Кукольник. Голову ставлю, Сергей Васильевич!

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Салтыков. Агафон! Агафон появляется. Агафон! Из второй комнаты шкаф зет полка
тринадцатая переставь господина Бенедиктова в этот шкаф, а господина Пушкина
переставь в тот шкаф. (Бенедиктову.) Первые у меня в этом шкафу. (Агафону.) Не
вздумай уронить на пол.
Агафон. Слушаю, Сергей Васильевич. (Уходит.) Бенедиктов подавлен. Долгоруков. Я
совершенно разделяю ваше мнение, господин Кукольник, но мне, представьте,
приходилось слышать утверждение, что первым является Пушкин.
Кукольник. Светские химеры! Агафон появляется с томиком, влезает на стремянку у
шкафа. Салтыков. Вы говорите, Пушкин первый? Агафон, задержись там! Агафон
остаётся на стремянке. Кукольник. Он давно уже ничего не пишет.
Долгоруков. Прошу прощения, как же так – не пишет? Вот недавно мне дали списочек
с его последнего стихотворения. К сожалению, не полное. Богомазов, Бенедиктов,
Кукольник рассматривают листок. Преображенцы
выпивают. Кукольник. Боже мой, боже мой, и это пишет русский! Преображенцы, не
подходите к этому листу.
Богомазов. Ай-яй-яй! (Долгорукову.) Дозвольте мне списать. Люблю, грешник,
тайную литературу.
Долгоруков. Пожалуйста.
Богомазов (усаживаясь к столу). Только, князь, никому! Тсс... (Пишет.)
Кукольник. Ежели сия поэзия пользуется признанием современников, то послушайся,
Владимир, не пиши на русском языке! Тебя не поймут! Уйди в тот мир, где до сих
пор звучат терцины божественного Алигьери! Протяни руку великому Франческо! Его
канцоны вдохновят тебя! Пиши по-итальянски, Владимир.
Салтыкова (выходя из гостиной). Все спорите, господа! (Скрывается, пройдя
столовую.)
Богомазов. Браво, браво, Нестор Васильевич!
Бенедиктов. Из чего ты так кипятишься, Нестор?
Кукольник. Потому что душа моя не принимает несправедливости! У Пушкина было
дарованье, это бесспорно. Неглубокое, поверхностное, но было дарованье. Но он
растратил, разменял его! Он угасил свой, малый светильник! Он стал бесплоден,
как смоковница! И ничего не сочинит, кроме сих позорных строк. Единственно, что
он сохранил, – это самонадеянность! И какой надменный тон! Какая резкость в
суждениях! Мне жаль его!
Богомазов, Браво, браво! Трибун!
Кукольник. Я пью здоровье первого поэта отечества – Бенедиктова.
Воронцова (на пороге библиотеки). Все, что вы говорили, неправда. (Пауза.) Ах,
как жаль, что лишь немногим дано понимать превосходство перед собой
необыкновенных людей... Как чудесно в Пушкине соединяется гений и просвещение!
Но, увы, у него много завистников и врагов! И вы простите меня, но мне кажется,
я слышала, как именно черная зависть говорила сейчас устами человека. И, право,
Бенедиктов – очень плохой поэт. Он пуст и неестественен...
Кукольник. Позвольте, графиня! Долгоруков хихикает от счастья, завалившись за
спину Богомазова. Салтыкова (возвращается в библиотеку). Ах, Александра
Кирилловна. Позвольте вам представить литератора Нестора Васильевича Кукольника
и Владимира Григорьевича Бенедиктова. Долгоруков от счастья давится.
Преображенцы тихо отступают в столовую и
исчезают из нее. Воронцова. Ах, боже мой... Простите меня великодушно, я
увлеклась... Простите... Милая Александра Сергеевна, я убегаю. (Скрывается в
гостиной.) Салтыков идет за Воронцовой. Бенедиктов с искаженным лицом выходит в
столовую. Кукольник – за ним. Бенедиктов. Зачем ты повез меня на этот завтрак? Я
сидел тихо дома... И все ты, и вечно ты...
Кукольник. Неужели ты можешь серьезно относиться к бредням светской женщины?
Салтыков. Агафон! Снимай обоих – и Пушкина и Бенедиктова – в ту комнату, в
тринадцатый шкаф! Занавес ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ Ночь. Дворец Воронцовой. Зимний сад.
Фонтан. В зелени огни. Меж сетками порхают встревоженные птицы. В глубине
колоннада, за ней пустынная гостиная. Издалека доносится стон оркестра, шорох
толпы. У колоннады, неподвижен, негр в тюрбане. В самой чаще, укрывшись от
взоров света, сидит на диванчике Долгоруков, в бальном наряде. Перед
Долгоруковым шампанское. Долгоруков подслушивает разговоры в зимнем саду.
Недалеко от колоннады сидит Пушкина, а
рядом с ней – Николай I. Николай I. Какая печаль терзает меня, когда я слышу
плеск фонтана и шуршание пернатых в этой чаще!
Пушкина. Но отчего же?
Николай I. Сия искусственная природа напоминает мне подлинную, и тихое журчание
ключей, и тень дубрав... Если бы можно было сбросить с себя этот тяжкий наряд и
уйти в уединение лесов, в мирные долины! Лишь там, наедине с землей, может
отдохнуть измученное сердце...
Пушкина. Вы утомлены.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Николай I. Никто не знает и никогда не поймет, какое тяжкое бремя я обречен нести!

Пушкина. Не огорчайте нас всех такими печальными словами.

Николай I. Вы искренни? О да, о да. Разве могут такие ясные глаза лгать? Ваши слова я ценю, вы одна нашли их для меня. Я хочу верить, что вы добрая женщина. Но одно всегда страшит меня, стоит мне взглянуть на вас...

Пушкина. Что же это?

Николай I. Ваша красота. О, как она опасна! Берегите себя, берегите! Это дружеский совет, поверьте мне!

Пушкина. Ваше участие – для меня большая честь!

Николай I. О, верьте мне, я говорю с открытым сердцем, с чистой душой. Я часто думаю о вас.

Пушкина. Стою ли я этой чести?

Николай I. Сегодня я проезжал мимо вашего дома, но шторы у вас были закрыты.

Пушкина. Я не люблю дневного света, зимний сумрак успокаивает меня.

Николай I. Я понимаю вас. Я не знаю почему, но каждый раз, как я выезжаю, какая-то неведомая сила влечет меня к вашему дому, и я невольно поворачиваю голову и жду, что хоть на мгновенье мелькнет в окне лицо...

Пушкина. Не говорите так....

Николай I. Почему?

Пушкина. Это волнует меня. Из гостиной выходит камер-юнкер, подходит к Николаю I. Камер-юнкер. Ваше императорское величество, ее императорское величество приказала мне доложить, что она отбывает с великой княжной Марией через десять минут. Пушкина встает, приседает, выходит в гостиную, скрывается. Николай I. Говорить надлежит: с ее императорским высочеством великой княжной Марией Николаевной. И, кроме того, когда я разговариваю, меня нельзя перебивать. Болван! Доложи ее величеству, что я буду через десять минут, и попроси ко мне Жуковского. Камер-юнкер выходит. Николай I некоторое время один. Смотрит вдаль тяжелым

взором. Жуковский, при звезде и ленте, входит, кланяясь. Жуковский. Вашему императорскому величеству угодно было меня видеть?

Николай I. Василий Андреевич, я плохо вижу отсюда, кто этот черный стоит у колонны? Жуковский всматривается. Подавлен. Может быть, ты сумеешь объяснить ему, что это неприлично. Жуковский вздыхает. В чем он? Он, по-видимому, не понимает всей бессмысленности своего поведения. Может быть, он собирался вместе с другими либералистами в Convention nationale {конвент (фр.).} и по ошибке попал на бал? Или он полагает, что окажет мне слишком великую честь, ежели наденет мундир, присвоенный ему? Так ты скажи ему, что я силой никого на службе не держу. Ты что молчишь, Василий Андреевич?

Жуковский. Ваше императорское величество, не гневайтесь на него и не карайте.

Николай I. Нехорошо, Василий Андреевич, не первый день знаем друг друга. Тебе известно, что я никого и никогда не караю. Карает закон.

Жуковский. Я приемлю на себя смелость сказать: ложная система воспитания, то общество, в котором он провел юность...

Николай I. Общество! Уж не знаю, общество ли на него повлияло или он на общество. Достаточно вспомнить стихи, которыми он радовал наших "друзей четырнадцатого декабря".

Жуковский. Ваше величество, это было так давно!

Николай I. Он ничего не изменился.

Жуковский. Ваше величество, он стал вашим восторженным почитателем...

Николай I. Любезный Василий Андреевич, я знаю твою доброту. Ты веришь этому, а я нет.

Жуковский. Ваше величество, будьте снисходительны к поэту, который призван составить славу отечества...

Николай I. Ну нет, Василий Андреевич, такими стихами славы отечества не составишь. Недавно попотчевал. История Пугачева. Не угодно ли... Злодей истории не имеет. У него вообще странное пристрастие к Пугачеву. Новеллу писал, со орлом сравнил! Да что уж тут говорить! Я ему не верю, у него сердца нет. Пойдем к государыне, она хотела тебя видеть. (Выходит, в колоннаду.) Негр снимается с места, идет вслед за Николаем I. Жуковский подходит к колоннаде, смотрит вдаль, кому-то исподтишка грозит кулаком. Уходит. Воронцов и Воронцова выходят навстречу Николаю I, кланяются. Воронцова Sire!.. {Государь... (фр.).}

Воронцов. Votre Majeste Imperiale!.. {Ваше императорское величество!.. (фр.).}

Уходят. В зимний сад не со стороны колоннады, а сбоку пробирается в мундире и в орденах Богомазов, устремляется в чашу. Долгоруков. Осторожнее, место занято.

Богомазов. Ба! Князь! Да вы, как видно, отшельник?

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Долгоруков. Вы тоже. Ну что же, присаживайтесь. Что-что, а шампанское хорошее.
Богомазов. Бал-то каков? Семирамида, а? Любите, князь, балы?
Долгоруков. Обожаю. Сколько сволочи увидишь!
Богомазов. Ну-ну, Петенька, вы смотрите.
Долгоруков. Я вам не Петенька.
Богомазов. Ну что там – не Петенька. Вы, князенька, недавно пеленки пачкали, а я государю своему действительный статский советник.
Долгоруков. Я вынужден, ваше превосходительство, просить вас не выражаться столь тривиально.
Богомазов. На балу цвет аристократии, князь!
Долгоруков. На этом балу аристократов счетом пять человек, а несомненный из них только один я.
Богомазов. Одначе! Это как же? Любопытен был бы я знать.
Долгоруков. А так, что я от святого происхожу. Да-с. От великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, мученика, к лику святых причтенного.
Богомазов. На вас довольно взглянуть, чтобы видеть, что вы от святого приходите. (Указывает вдаль.) Это кто, по-вашему, прошел, не аристократ?
Долгоруков. Уж на что лучше. У любовницы министра купил чин гофмейстера. При всей своей подлой наружности соорудил себе фортуна.
Богомазов. Хорошо, Петенька! А это? Ведь это княгиня Анна Васильевна?
Долгоруков. Она, она. Животрепещущая старуха! Ей, ведьме, на погост пора, она по балам скачет.
Богомазов. Ай да язык! С ней это Иван Кириллович?
Долгоруков. Нет, брат его, Григорий, известная скотина.
Богомазов. Смотрите, князь, услышит вас кто-нибудь – нехорошо будет.
Долгоруков. Авось ничего не будет. Ненавижу! Дворня! Холопия! Уж не знаю, кто из них гаже.
Богомазов. Ну конечно, где же им до святого мученика Петеньки!
Долгоруков. Вы не извольте остриться. (Пьет.) Сам был.
Богомазов. Его величество?
Долгоруков. Он.
Богомазов. С кем разговаривал?
Долгоруков. С арабской женой. Что было! Поздно изволили пожаловать.
Богомазов. А что?
Долгоруков. Руку гладил. Будет наш поэт скоро украшен опять.
Богомазов. Что-то, вижу я, ненавидите вы Пушкина.
Долгоруков. Презираю. Смешно! Рогоносец. Здесь tete-a-tete {Свидание наедине (фр.)}, а он стоит у колонны в каком-то канальском фрачишке, волосы склоченные, а глаза горят, как у волка. Дорого ему этот фрак обойдется!
Богомазов. Слушок ходил такой, князь Петр, что будто он на вас эпиграмму написал?
Долгоруков. Плюю на бездарные вирши! Тсс, тише. В сад входит Геккерен, через некоторое время – Пушкина. Геккерен. Я следил за вами и понял, почему вас называют северной Психеей. Как вы цветете!
Пушкина. Ах, барон, барон...
Геккерен. Я, впрочем, понимаю, как надоел вам рой любезников с их комплиментами. Присядьте, Наталья Николаевна, я не наскучу вам?
Пушкина. О нет, я очень рада. Пауза. Геккерен. Он сейчас придет.
Пушкина. Я не понимаю! О ком вы говорите?
Геккерен. Ах, зачем так отвечать тому, кто относится к вам дружелюбно. Я не предатель. Ох, сколько зла еще сделает ваша красота! Верните мне сына.
Посмотрите, что вы сделали с ним. Он любит вас.
Пушкина. Барон, я не хочу слушать такие речи.
Геккерен. Нет, нет, не уходите, он тотчас подойдет. Я нарочно здесь, чтобы вы могли перемолвиться несколькими словами. В сад входит Дантес. Геккерен отходит в сторону. Дантес. Проклятый бал! К вам нельзя подойти. Вы беседовали с императором наедине?
Пушкина. Ради бога, что вы делаете! Не говорите с таким лицом, нас могут увидеть из гостиной.
Дантес. Ваша рука была в его руке. Вы меня упрекали в преступлениях, а сами вы вероломны.
Пушкина. Я приду, приду. В среду в три часа. Отойдите от меня, ради всего святого. Из колоннады выходит Гончарова. Гончарова. Мы собираемся уезжать.
Александр тебя ищет.
Пушкина. Да, да: Au revoir, monsieur le baron. {до свидания, барон (фр.)}
Геккерен. Au revoir, madame. Au revoir, mademoiselle.
Дантес. Au revoir, mademoiselle. Au revoir, madame. Музыка загремела победоносно. Пушкина и Гончарова уходят. Геккерен. Запомни все жертвы, которые я

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru принес тебе. (Уходит вместе с Дантесом.) В гостиной мелькнула Воронцова, к ней подходят, прощаются, гости. Музыка внезапно обрывается, и сразу наступает тишина. Долгоруков. Люблю балы, люблю. Богомазов. Что говорить! В сад оттуда, откуда выходил Богомазов, входит Воронцова.

Она очень устала, садится на диванчик. Долгоруков. Хорош посланник! Видали, какие дела делаются! Будет Пушкин рогат, как в короне! Сзади царские рога, а спереди Дантесовы! Ай да любящий приемный отец!

Богомазов. А и люто вы ненавидите его, князь! Ну мне, никому, клянусь, друг до гроба, – кто послал ему анонимный пасквиль, из-за которого весь сыр-бор загорелся? Молодецкая штука, прямо скажу! Ведь рюк два месяца, не могут понять кто. Лихо сделано! Ну, князь, прямо – кто?

Долгоруков. Кто? Откуда я знаю? Почему вы задаете мне этот вопрос? А кто бы ни послал, так ему и надо! Будет помнить!

Богомазов. Будет, будет! Ну, до свидания князь, а то огни начнут тушить.

Долгоруков. До свидания.

Богомазов. Только, Петя, на прощание, говорю дружески: ой, придержите язык.

(Скрывается.) Долгоруков допивает шампанское, выходит из чащи. Воронцова. Князь?

Долгоруков. Графиня...

Воронцова. Почему вы одни? Вы не скучали?

Долгоруков. Помилуйте, графиня, возможно ли скучать в вашем доме? Упоительный бал!

Воронцова. А мне взгрустнулось как-то.

Долгоруков! Графиня, вы огорчаете меня. Но это нервическое, уверяю вас.

Воронцова. Нет, грусть безысходна. Сколько подлости в мире! Вы не задумывались над этим?

Долгоруков. Всякий день, графиня. Тот, у кого чувствительное сердце, не может не понимать этого. Падение нравов – таков век, графиня! Но к чему эти печальные мысли?

Воронцова. Pendar! {негодяй! (фр.)} висельник! Негодяй!

Долгоруков. Вы больны, графиня! Я кликну людей.

Воронцова. Я слышала, как вы кривлялись... Вы радовались тому, что какой-то подлец посылает затравленному пасквиль... Вы сами сделали это! И если бы я не боялась нанести ему еще один удар, я бы выдала вас ему! Вас надо убить, как собаку! Надеюсь, что вы погибнете на эшафоте! Вон из моего дома! Вон!

(Скрывается.) Начинает убывать свет. Долгоруков (один). Подслушала. Ох, дикая кошка! Тоже, наверно, любовница его. Кто-то слышал за колонной. Да, слышал. А все он! Все из-за него! Ну ладно, вы вспомните меня! Вы вспомните меня все, – клянусь вам! (Хромя, идет к колоннаде.) Тьма. Потом из тьмы – свечи с зелеными экранами. Ночь. Казенный кабинет. За столом сидит Леонтий Васильевич Дубельт. Дверь приоткрывается,

показывается жандармский ротмистр Ракеев. Ракеев. Ваше превосходительство. Битков к вам.

Дубельт. Да. Ракеев скрывается, и входит Битков. Битков. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Дубельт. А наше вам почтение. Как твое здоровье, любезный?

Битков. Вашими молитвами, ваше превосходительство.

Дубельт. Положим, и в голову мне не впадало за тебя молиться. Но здоров? Что ночью навестил?

Битков. Находясь в неустанных заботах, поелику...

Дубельт. В заботах твоих его величество не нуждается. Тебе что препоручено?

Секретное наблюдение, какое ты и должен наилучше исполнять. И говори не столь витиевато, ты не на амвоне.

Битков. Слушаю. В секретном наблюдении за камер-юнкером Пушкиным проник я даже в самую его квартиру.

Дубельт. Ишь, ловкач! По шее тебе не наkostenяли?

Битков. Миловал бог.

Дубельт. Как камердинера-то его зовут? Фрол, что ли?

Битков. Никита.

Дубельт. Ротозей Никита. Далее.

Битков. Первая комната, ваше превосходительство, – столовая...

Дубельт. Это в сторону.

Битков. Вторая – гостиная. В гостиной на фортепьяно лежат сочинения господина камер-юнкера.

Дубельт. На фортепьяно? Какие же сочинения?

Битков. "Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя. То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит... То, как

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
путник запоздалый, к нам в окошко застучит... Буря мглою небо кроет, вихри
снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя".

Дубельт. Экая память у тебя богатая! Дальше.

Битков. С превеликой опасностью я дважды проникал в кабинет, каковой кабинет
весь заполнен книгами.

Дубельт. Какие книги?

Битков. Что успел, запомнил, ваше превосходительство. По левую руку от камина -
Сова, ночная птица, Кавалерист-девица, История славного вора Ваньки-Каина... и о
запое, и о лечении оного в наставление каждому... в университетской
типографии...

Дубельт. Последнюю книгу тебе рекомендую. Пьешь?

Битков. В рот не беру.

Дубельт. Оставим книги. Далее.

Битков. Сегодня обнаружил лежащую на полу чрезвычайной важности записку.

"Приезжай ко мне немедленно, иначе будет беда". Подпись - Вильям Джук. Дубельт

звонит. Ракеев входит. Дубельт. Василия Максимовича ко мне. Ракеев выходит.

Входит Василий Максимович, чиновник в статском. Вильям Джук.

Василий Максимович. Уж все перерыли, ваше превосходительство, такого нету в
Санкт-Петербурге.

Дубельт. Надобно, чтобы к завтраму был.

Василий Максимович. Нахожусь в недоумении, ваше превосходительство, нету такого.

Дубельт. Что за чудеса, англичанин в Питере провалился.

Ракеев (входит). Ваше превосходительство, Иван Варфоломеевич Богомазов по этому
же делу.

Дубельт. Да. Ракеев выходит. Входит Богомазов. Богомазов. Прошу прощения, ваше
Превосходительство. Отделение Джук ищет? Это Жуковский, он шуточно
подписываться любит.

Дубельт (махнув рукой Василию Максимовичу). Хорошо: (Богомазову.) Извольте
подождать там, Иван Варфоломеевич, я вас сейчас приму. Василий Максимович и
Богомазов выходит. Ну, не сукин ты сын после этого? Дармоеды! Наследника
цесаревича воспитатель. Василий Андреевич Жуковский, действительный статский
советник! Ведь ты почерк должен знать!

Битков. Ай, проруха! Виноват, ваше превосходительство!..

Дубельт, Отделение взбудоражил. Тебе морду надо бить, Битков! Дальше.

Битков. Сегодня же к вечеру на столе появилось письмо, адресованное иностранцу.

Дубельт. Опять иностранцу?

Битков. Иностранцу, ваше превосходительство. В голландское посольство, господину
барону Геккерену, Невский проспект.

Дубельт. Битков! (Протягивает руку.) Письмо, письмо мне сюда! Поддай на полчаса.

Битков. Ваше превосходительство, как же так - письмо? Сами посудите на мгновенье
заскочишь в кабинет, руки трясутся. Да ведь он придет - письма хватятся. Ведь
это риск!

Дубельт. Жалованье получать у вас ни у кого руки не трясутся. Точно узнай, когда
будет доставлено письмо, кем, и кем будет в посольстве принято, и кем будет
доставлен ответ. Ступай.

Битков. Слушаю. Ваше превосходительство, велите мне жалованье выписать.

Дубельт. Жалованье? За этого Джук с тебя еще получить следует. Ступай к Василию
Максимовичу, скажи, что я приказал выписать тридцать рублей.

Битков. Что же тридцать рублей, ваше превосходительство. У меня детишки...

Дубельт. "Иуда искариотский иде ко архиереям, они же обещаша сребреники дати..."
И было этих сребреников, друг любезный, тридцать. В память его всем так и плачу.

Битков. Ваше превосходительство, пожалуйста хоть тридцать пять.

Дубельт. Эта сумма для меня слишком грандиозная. Ступай и попроси ко мне Ивана
Варфоломеевича Богомазова. Битков уходит. Входит Богомазов. Богомазов. Ваше
превосходительство, извольте угадать, что за бумага?

Дубельт. Гадать грех. Это копия письма к Геккерену.

Богомазов. Леонтий Васильевич, вы колдун. (Подает бумагу.)

Дубельт. Нет, это вы колдун. Как же это вы так искусно?

Богомазов. Черновичок лежал в корзине, к сожалению, неполное.

Дубельт. Благодарю вас. Отправлено?

Богомазов. Завтра камердинер повезет.

Дубельт. Еще что, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Был на литературном завтраке у Салтыкова.

Дубельт. Что говорит этот старый враль?

Богомазов. Ужас! Государя императора называет le grand bourgeois... (Вынимает
бумагу.) И тогда же Петя Долгоруков дал списать...

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Дубельт. Хромоногий?

Богомазов. Он самый.

Дубельт. Так. Еще, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Воронцовский бал. (Подает бумагу.)

Дубельт. Благодарю вас.

Богомазов. Леонтий Васильевич, надобно на хромого Петьку внимание обратить. Ведь это что несет, сил человеческих нет! Холопами всех так и чешет. Вторую ногу ему переломить мало. Говорит, что от святого мученика происходит.

Дубельт. Дойдет очередь и до мучеников.

Богомазов. Честь имею кланяться, ваше превосходительство.

Дубельт. Чрезвычайные услуги оказываете, Иван Варфоломеевич. Я буду иметь удовольствие о вас графу доложить.

Богомазов. Леонтий Васильевич, душевно тронут. Исполняю свой долг.

Дубельт. Понимаю, понимаю. Деньжонок не надобно ли, Иван Варфоломеевич?

Богомазов. Да рубликов двести не мешало бы.

Дубельт. А я вам триста выпишу для ровного счета, тридцать червонцев. Скажите, пожалуйста, Василию Максимовичу. Богомазов кланяется, уходит. (Читает бумаги, принесенные Богомазовым.) "Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя".

(Слышит что-то, глядит в окно, поправляет эполеты.) Дверь открывается,

появляется жандарм Пономарев, вслед за ним в дверь входит

Николай I, в кирасирской каске и шинели, а за Николаем – Бенкендорф. Здравия

желаю, ваше императорское величество. В штабе корпуса жандармов, ваше

императорское величество, все обстоит в добром порядке.

Николай I. Проезжал с графом, вижу, у тебя огонек. Занимаешься? Не помешал ли я?

Дубельт. Пономарев, шинель. Пономарев принимает шинели Николая I и Бенкендорфа, уходит. Николай I (садясь). Садись, граф. Садись, Леонтий Васильевич.

Дубельт (стоя). Слушаю, ваше величество.

Николай I. Над чем работаешь?

Дубельт. Стихи читаю, ваше величество. Собирался докладывать его сиятельству.

Николай I. А ты докладывай, я не буду мешать. (Берет какую-то книгу, рассматривает.)

Дубельт. Вот, ваше сиятельство, бездельники в списках распространяют пушкинское стихотворение по поводу брюлловского распятия. Помните, вы изволили приказать поставить к картине караул? К сожалению, в отрывках. (Читает.) Но у подножия теперь креста честного,

как будто у крыльца правителя градского,

Мы зрим – поставлено на место жен святых

В ружье и кивере два грозных часовых.

К чему, скажите мне, хранительная стража?

Или распятие – казенная поклажа,

и вы боитесь воров или мышей?.. Здесь пропуск. Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила

Того, чья казнь весь род адамов искупила,

и чтоб не потеснить гуляющих господ,

Пускать не ведено сюда простой народ? Бенкендорф. Как это озаглавлено?

Дубельт. Мирская власть.

Николай I. Этот человек способен на все, исключая добра. Ни благоговения к

божеству, ни любви к отечеству... Ах, Жуковский! Все заступается... И как

поворачивается у него язык!.. Семью жалко, жену жалко, хорошая женщина.

Продолжай, Леонтий Васильевич.

Дубельт. Кроме сего, у студента Андрея Ситникова при обыске найдено краткое

стихотворение в копии, также подписано: А. Пушкин.

Бенкендорф. Прочитайте, пожалуйста.

Дубельт. Осмелюсь доложить, ваше сиятельство, неудобное.

Николай I (перелистывая книгу.) Прочитай.

Дубельт (читает). В России нет закона.

А – столб, и на столбе – корона. Николай I. Это он?

Дубельт. В копии подписано: А. Пушкин.

Бенкендорф. Отменно любопытно то, что кто бы ни писал подобные гнусности, а ведь припишут господину Пушкину. Уж такова персона.

Николай I. Ты прав. (Дубельту.) Расследуйте.

Бенкендорф. Есть что-нибудь срочное?

Дубельт. Как же, ваше сиятельство: не позднее послезавтрашнего дня я ожидаю в столице дуэль.

Бенкендорф. Между кем и кем?

Дубельт. Между двора его величества камер-юнкером Александром Сергеевичем

Пушкиным и поручиком кавалергардского полка бароном Егором Осиповичем

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru Геккереном-Дантес. Имею копию черновика оскорбительного письма Пушкина к барону Геккеренуотцу.

Николай I. Прочитай письмо.

Дубельт (читает). "...Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына. И когда, больной позорною болезнью, он оставался дома, вы говорили..." Пропуск. "...Не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания..." Пропуск. "...Ваш сын осмеливался разговаривать с ней, так как он подлец и шлопай. Имею честь быть..."

Николай I. Он дурно кончит. Я говорю тебе, Александр Христофорович, он дурно кончит. Теперь я это вижу.

Бенкендорф. Он бретер, ваше величество.

Николай I. Верно ли, что Геккерен нашептывал Пушкиной?

Дубельт (глянув на бумагу). Верно, ваше величество. Вчера на балу у Воронцовой.

Николай I. Посланник... Прости, Александр Христофорович, что такую обузу тебе навязал. Истинное мучение!

Бенкендорф. Таков мой долг, ваше величество.

Николай I. Позорной жизни человек. Ничем и никогда не смоеет перед потомками с себя сих пятен. Но время отомстит ему за эти стихи, за то, что талант обратил не на прославление, а на поругание национальной чести. И умрет он не по-христиански. Поступить с дуэлянтами по закону. (Встает.) Спокойной ночи. Не провожай меня, Леонтий Васильевич. Засиделся я, пора спать. (Уходит в сопровождении Бенкендорфа.) Через некоторое время Бенкендорф возвращается.

Бенкендорф. Хорошее сердце у императора.

Дубельт. Золотое сердце. Пауза. Бенкендорф. Так как же быть с дуэлью?

Дубельт. Это как прикажете, ваше сиятельство. Пауза. Бенкендорф. Извольте послать на место дуэли с тем, чтобы взяли их с пистолетами и под суд. Примите во внимание – место могут изменить.

Дубельт. Понимаю, ваше сиятельство. Пауза. Бенкендорф. Дантес каков стрелок?

Дубельт. Туз – десять шагов. Пауза. Бенкендорф. Императора жаль.

Дубельт. Еще бы! Пауза. Бенкендорф (вставая). Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...

Дубельт. Слушаю, ваше сиятельство.

Бенкендорф. Покойной ночи, Леонтий Васильевич. (Уходит.)

Дубельт (один). "Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя..." "Не туда"!..

Тебе хорошо говорить... "Буря мглою небо кроет..." Не туда? (Звонит.) Дверь

приоткрывается. Ротмистра Ракеева ко мне. Темно. Занавес ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Геккерена. Ковры, картины, коллекции оружия. Геккерен сидит и

слушает музыкальную шкатулку. Входит Дантес. Дантес. Добрый день, отец.

Геккерен. А, мой дорогой мальчик, здравствуй. Ну иди сюда, садись. Я давно тебя не видел и соскучился. Отчего у тебя недовольное лицо? Откройся мне. Своим молчанием ты причиняешь мне боль.

Дантес. J'etais tres fatigue ces jours-ci {В последнее время я чувствовал себя очень усталым (фр.)}. У меня сплин. Вот уже третий день метель. Мне представляется, что, ежели бы я прожил здесь сто лет, я бы все равно не привык к такому климату. Летит снег, и все белое.

Геккерен. Ты хандрить. А это дурно!

Дантес. Снег, снег, снег... Что за тоска. Так и кажется, что на улицах появятся волки.

Геккерен. А я привык за эти четырнадцать лет. Il n'y a pas d'autre endroit au monde, qui me donne, comme Petersbourg, le sentiment d'etre a la maison {Нет такого места на свете, как Петербург, где до такой степени я чувствую себя дома (фр.)}. Когда мне становится скучно, я запираюсь от людей, люблюсь, и скука убегает. Послушай, какая прелесть! Я сегодня купил. Шкатулка играет. Дантес. Не понимаю твоего пристрастия к этому хламу.

Геккерен. О нет, это не хлам. Я люблю вещи, как женщина тряпки. Да что с тобой? Дантес. Мне скучно, отец.

Геккерен. Зачем ты это сделал, Жорж? Как хорошо, как тихо мы жили вдвоем!

Дантес. Смешно говорить об этом. Ты-то знаешь, что я не мог не жениться на Екатерине.

Геккерен. Вот я и говорю: твои страсти убьют меня. Зачем ты разрушил наш очаг? Лишь только в доме появилась женщина, я стал беспокоен, у меня такое чувство, как будто меня выгнали из моего угла. Я потерял тебя, в дом вошла беременность, шум, улица. Я ненавижу женщин.

Дантес. Ne croyez pas de grace que j'aie oublie cela... {О, не думайте, что я забыл об этом... (фр.)} Я это знаю очень хорошо.

Геккерен. Ты неблагодарен, ты растоптал покой.

Дантес. Это несносно. Посмотри, все смешалось и исчезло.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Геккерен. Ну, а теперь на что ты можешь жаловаться? Ведь ты увидишь ее? Твои желания исполнены. Ну, а о моих никто не думает. Нет, другой давно бы отвернулся от тебя.

Дантес. Я хочу увезти Наталью в Париж.

Геккерен. Что такое? О боже! Этого даже я не ожидал. Ты подумал о том, что ты говоришь? Стало быть, мало того, что ты меня лишил покоя, но ты хочешь и вовсе разбить жизнь. Он бросит здесь беременную жену и похитит ее сестру! Чудовищно! Что же ты сделаешь со мной? Вся карьера, все кончено! Все погибнет! Да нет, я не верю. Какая холодная жестокость! Какое себялюбие! Да, наконец, какое безумие!

Стук. Да, да.

Слуга (подает письмо). Вашему превосходительству. (Уходит.)

Геккерен. Одну минуту, ты позволишь?

Дантес. Пожалуйста. Геккерен читает письмо, роняет его. Что такое?

Геккерен. Я говорил тебе. Читай.

Дантес (читает). Так... Так. Пауза. Геккерен. Как смеет! Он забыл, с кем имеет дело! Я уничтожу его!.. Мне?! Пауза. Беда. Вот пришла беда. Что ты сделал со мной?

Дантес. Ты меня упрекаешь за чужую гнусность.

Геккерен. Это бешеный зверь! Жорж, ты отдал меня в руки бретера.

Дантес. О, не спеши. (Отходит к окну.) Все занесло, все погребено... Речь идет не о тебе. У этого господина плохой стиль. Я не понимаю, почему он вообразил, что он литератор. У него плохой стиль, я всегда это утверждал.

Геккерен. Не притворяйся. Зачем ты проник в его дом? Какую роль ты меня заставил играть? Он уже бросался на нас один раз. У меня до сих пор в памяти лицо с оскаленными зубами. Зачем ты хочешь соблазнить ее?

Дантес. Я люблю ее.

Геккерен. Не повторяй! Ты никого не любишь, ты ищешь наслаждения! Не противоречь! Что мне делать теперь? Вызывать его? Но как я гляну в лицо королю? Да: даже ежели бы каким-нибудь чудом мне удалось убить его... Что делать? Стук.

Слуга вводит Строганова. Тот слепой. Слуга уходит. Строганов. *Mille excuses...* {Тысяча извинений (фр.)}. Простите, дорогой барон, что опаздываю к обеду, но послушайте, что делается... Я не помню такой метели.

Геккерен. Во всякую минуту, граф, ад мой желанный гость.

Строганов (нащупав руку Дантеса). Это молодой барон Геккерен. Узнаю вашу руку. Но она - ледяная. Вас что-нибудь обеспокоило?

Геккерен. Граф, у нар случилось несчастье. Помогите нам советом. Только что я получил ужасное письмо от человека, который ненавидит меня и Жоржа.

Дантес. Я против того, чтобы оглашать это, письмо.

Геккерен. О нет, ты не можешь вмешиваться, письмо адресовано мне. А граф - мой друг. Письмо написано Пушкиным.

Строганов. Александром?

Геккерен. Да. Наши враги распустили злокозненный слух, и это причина мерзкой выходки. Бешеный ревнивец вообразил, что барон Дантес обращает внимание на его жену. Чтобы усугубить оскорбление, он пишет бранное письмо мне.

Строганов. Племянница моя обещала быть красавицей. Сейчас я не могу, к сожалению, судить, оправдались ли эти надежды.

Геккерен. Я заранее прошу простить меня за то, что вы услышите сейчас. (Читает.)

"...Вы отечески сводничали вашему сыну... подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену в углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного сына..." Он чистое имя матери забрасывает грязью в злобе!.. Я не знаю, кто этому безумцу нашептал, что я якобы подстрекал Жоржа! Далее он пишет, что Жорж болен дурной болезнью. Он осыпает его площадной бранью, он угрожает! Нет, я не могу читать больше.

Строганов. Не веришь, что это пишет русский дворянин. Ах, какой век! Какая разнузданность! Дорогой барон, он бросает перчатку не только вам. Ежели он пишет так представителю коронованной главы, он вызывает общество. Он карбонарий. Да, барон, это плохо. Это опасное письмо.

Геккерен. Что же я, полномочный королевский представитель, должен вызвать его?

Граф, я теряюсь. Помогите советом. Мне вызывать?

Строганов. О нет.

Геккерен. Он бросается, как ядовитый зверь! Барон Дантес не подал ему повода!

Строганов. После этого письма, барон, уже не имеет значения, подавал ли барон Дантес ему повод или не подавал. Но вам с ним драться нельзя. Про барона Дантеса могут сказать, что он послал отца...

Дантес. Что могут сказать про меня?

Строганов. Но не скажут, я полагаю. (Геккерену.) Вы должны написать ему, что его вызывает барон Дантес. А о себе прибавьте только одно - что вы сумеете внушить ему уважение к вашему званию.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дантес. Так будет.

Геккерен. Да, будет так. Благодарю вас бесконечно, граф, мы слишком злоупотребили вашим вниманием. Но умоляю, оцените всю тяжесть оскорбления, которое нанесли. Пойдемте, граф, стол готов. (Уводит Строганова.) Дантес один. Вдруг сбрасывает шкатулку на пол. Та отвечает ему стоном. Берет пистолет, стреляет в картину не целясь. Вбегает Геккерен. Геккерен. Что ты делаешь?! Ах, сердце! Дантес молча поворачивается и уходит. Темно. Из тьмы – багровое зимнее солнце на закате. Ручей в сугробах. Горбатый мост. Тишина и безлюдье. Через некоторое время на мост поднимается Геккерен. Встревожен. Что-то ищет взором вдаль, собирается двинуться дальше. В этот момент донесся негромкий пистолетный выстрел. Геккерен останавливается, берется за перила. Пауза. Потом опять негромко щелкнуло вдаль. Геккерен поникает.

Пауза. На мост входит Дантес. Шинель его наброшена на одно плечо и волочится. Сюртук в крови и снегу. Рукав сюртука разрезан. Рука обвязана окровавленным платком. Геккерен. Небо! О небо! Благодарю тебя! (Крестится.) Обопрись о меня. Платок, на платок!

Дантес. Нет. (Берется за перила, отплевывается кровью.)

Геккерен. Грудь, грудь цела ли?

Дантес. Он хорошо прицелился. Но ему не повезло... На мост поднимается Данзас.

Данзас. Это ваша карета?

Геккерен. Да, да.

Данзас. Благоволите уступить ее другому противнику.

Геккерен. О да, о да.

Данзас. Кучер! Ты, в карете! объезжай низом, там есть дорога! Что ты глаза вытаращил, дурак! Низом подъезжай к поляне! (Убегает с мостика.)

Геккерен (тихо). А тот?

Дантес. Он больше ничего не напишет. Темно. Из тьмы – зимний день к концу. В квартире Пушкина у кабинетного камина в кресле – Никита, в очках, с тетрадью. Никита (читает). "На свете счастья нет..." Да, нету у нас счастья... "Но есть покой и воля..." Вот уж чего нету, так нету. По ночам не спать, какой уж тут покой... "Давно, усталый раб, замыслил я побег..." Куда побег? Что это он замыслил?... Входит Битков. "Давно, усталый раб, замыслил я побег..." Не разберу.

Битков. "В обитель дальнюю трудов и чистых нег". Здорово, Никита Андреевич.

Никита. Ты откуда знаешь?

Битков. Вчера в Шепелевском дворце был у господина Жуковского, подзорную трубу починал. Читали гостям эти самые стихи.

Никита. А. Ну?

Битков. Одобрительный отзыв дали. Глубоко, говорят.

Никита. Глубоко-то оно глубоко...

Битков. А сам-то он где?

Никита. Кататься поехал с Данзасом, надо быть, на горы.

Битков. Зачем с Данзасом? Это с полковником? Отчего же его до сих пор нету?

Никита. Что ты чудной какой сегодня? Выпивши, что ли?

Битков. Я к тому, что поздно. Обедать пора.

Никита. Тебе-то чего беспокоиться? К обеду он тебя, что ли, звал? Ты лучше в кабинете на часы погляди. Что ж ты чинил? Час показывают, тринадцать раз бьют.

Битков. Поглядим. Всю механику в порядок поставим. (Уходит в глубь кабинета.)

Колокольчик. Из столовой в гостиную входит Жуковский. Никита. Ваше превосходительство, пожалуйста.

Жуковский. Как это – поехал кататься? Его нету дома?

Никита. Одна Александра Николаевна. А детишки с нянькой к княгине пошли...

Жуковский. Да что же это такое, я тебя спрашиваю? Входит Гончарова. Гончарова.

Бесценный друг! Здравствуйте, Василий Андреевич!

Жуковский, Здравствуйте, Александра Николаевна. Позвольте вас спросить, что это такое? Я не мальчик, Александра Николаевна!

Гончарова. Что вас взволновало, Василий Андреевич? Садитесь... Как ваше здоровье?

Жуковский. Ma sante est gatee par les attaques de nerfs.. {Мое здоровье разрушено нервными припадками... (фр.)} И все из-за него.

Гончарова. А что такое?

Жуковский. Да помилуйте! Вчера как оглашенный скачет на извозчике, с извозчика кричит, что зайти ко мне не может, просит зайти к себе сегодня. Я откладываю дела, еду сюда, а он, изволите ли видеть, кататься уехал!

Гончарова. Ну простите его, я вас прошу, тут какая-то путаница. Право, вас следует расцеловать за хлопоты об Александре.

Жуковский. Ах, не надобно мне никаких поцелуев... Простите, забылся,.. Отрекаюсь

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru на веки веков! Из чего я хлопочу, позвольте спросить! Только что-нибудь наладишь, а он тотчас же испакостит! Кажется, умом он от природы не обижен, а ежели он теперь поглупел, так его драть надобно!

Гончарова. Да что случилось, Василий Андреевич?

Жуковский. А то, что царь гневается на него, вот что-с! Извольте-с. Третьего дни на бале государь... И что скажешь? Я сгорел от стыда... Извольте видеть, стоит у колонны во фраке и в черных портках... извините, Александра Николаевна. Никита! Никита входит. Ты что барину на бал подал позавчера?

Никита. Фрак.

Жуковский. Мундир надобно было подать, мундир!

Никита. Они велели, не любят они мундир.

Жуковский. Мало ли чего он не любит. А может, он тебе халат велит подать? Это твое дело, Никита. Ступай, ступай.

Никита. Ах ты, горе... (Уходит.) Жуковский. Скандал. Не любит государь фраков, государь фраков не выносит. Да он и права не имеет! Ему мундир по должности присвоен! Это недостойно, неприлично! Да что фрак! Он опять об отставке начал разговаривать. Нашел время! Ведь он не работает, Александра Николаевна! Где история, которую он посулил? А тут опять про какие-то стихи его заговорили! Помните, что было?.. А у него доброжелателей множество! Поверьте, натрубят в уши!

Гончарова. Ужасно то, что вы говорите, Василий Андреевич! Но он так взволнован, так болен в последнее время... Так иногда глаза закроешь, и кажется, что летим в пропасть... Все запуталось...

Жуковский. Распутаться надобно, это блажь. У государя добрейшее сердце, но искушать нельзя. Нельзя искушать! Смотрите, Александра Николаевна, Наталья Николаевна скажите: оттолкнет от себя государя - потом не поправишь!

Гончарова. Чем отблагодарим вас, Василий Андреевич?

Жуковский. Да что благодарности!.. Я ему не нянька! Вредишь? Вреди, вреди, себе вредишь!.. Прощайте, Александра Николаевна.

Гончарова. Ах, нет, нет... Как же так?.. Оставайтесь, подождите, он сейчас придет, он сейчас придет...

Жуковский. И видеть его не намерен, да мне и некогда.

Гончарова. Смените гнев на милость, он исправится...

Жуковский. Ах, полно, Александра Николаевна. En cette dernière chose je ne compte guère. {Ну, на это уж я не рассчитываю (фр.)} (Идет к дверям видит на фортепьяно стопку книг.) Я этого еще не видел. Новый Онегин? А, хорошо!

Гончарова. Сегодня из типографии принесли.

Жуковский. А, хорошо. Очень хорошо.

Гончарова. Я уже гадала сегодня по этой книге.

Жуковский. Как это по книге гадают? Погадайте мне.

Гончарова. Назовите какую-нибудь страницу.

Жуковский. Сто сорок четвертая.

Гончарова. А строка?

Жуковский. Ну пятнадцатая. Битков показывается у камина в кабинете. Гончарова (читает). "Познал я глас иных желаний..."

Жуковский. Мне? Верно...

Гончарова. "Познал я новую печаль..."

Жуковский. Верно, верно.

Гончарова. "Для первых нет мне упований..."

Битков (шепотом). "А старой мне печали жаль..." (Скрывается в кабинете.)

Жуковский. А?

Гончарова. "А старой мне печали жаль".

Жуковский. Ах, ах... Как черпает мысль внутри себя! И ведь как легко находит материальное слово, соответственное мысленному! Крылат, крылат! О полуденная кровь!.. Неблагодарный глупец. Сечь его! Драть! Сумерки окутывают квартиру.

Гончарова. А теперь вы мне.

Жуковский. Страница?

Гончарова. Сто тридцать девятая.

Жуковский. А строка?

Гончарова. Тоже пятнадцатая.

Жуковский (читает). "Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага..."

Пушкина остановилась в дверях. Нет, что-то не то... "Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага... Еще приятнее в молчаньи ему готовить честный гроб..." Нет, не попали, Александра Николаевна. А, простите, Наталья Николаевна!

Шумим, шумим, стихи читаем...

Пушкина. Добрый день, Василий Андреевич, рада вас видеть. Читайте на здоровье, я никогда не слушаю стихов. Кроме ваших...

Жуковский. Наталья Николаевна, побойтесь бога!

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Пушкина. Кроме ваших, Василий Андреевич. Votre dernière ballade m'a fait un plaisir infini... {Ваша последняя баллада доставила мне бесконечное наслаждение... (фр.)}

Жуковский. Не слушаю, не слушаю! В кабинете пробили часы. Ах, батюшки! Мне к цесаревичу!.. Au revoir, chère madame, je m'aperçois, que je suis trop bavard {До свидания... я замечаю, что слишком болтлив... (фр.)}...

Пушкина. Обедайте с нами.

Жуковский. Благодарствуйте, никак не могу. Au revoir, mademoiselle. Извольте же сказать ему! Прошу не провожать меня. (Уходит.) Сумерки. Гончарова. Таша, Василий Андреевич приезжал сказать насчет неприятности на бале из-за фрака.

Пушкина. Как это скучно! Я предупреждала.

Гончарова. Что с тобой?

Пушкина. Оставь меня.

Гончарова. Я не могу понять тебя. Неужели ты не видишь, что все эти неприятности из-за того, что он несчастлив? А ты с таким равнодушием относишься к тому, что может быть причиной беды для всей семьи.

Пушкина. Почему никто и никогда не спросил меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать. Но кто-нибудь пожалел меня когда? Что еще от меня надобно? Я родила ему детей и всю жизнь слышу стихи только стихи... Ну и читайте стихи! Счастлив Жуковский, и Никита счастлив, и ты счастлива... и оставьте меня.

Гончарова. Не к добру расположена твоя душа, не к добру. Вижу. Ты не любишь его.

Пушкина. Больше любви я дать не могу.

Гончарова. Увы, я знаю твои мысли, и мне больно за семью.

Пушкина. Ну и знай (Пауза.) Знай, что и сегодня я должна была с ним увидеться, а он не пришел. И мне скучно.

Гончарова. Вот на какой путь ты становишься!

Пушкина. Да что тебя волнует? Разве он одинок? Ты ухаживаешь за ним, а я смотрю на это вот так... (Подносит пальцы к глазам.)

Гончарова. Ты с ума сошла! Не смей мне так говорить, не смей, не смей! Мне жаль его, его все бросили!..

Пушкина. Погляди мне в глаза...

Никита (в дверях). Полковник Данзас просит вас принять его.

Пушкина. Откажи, не могу принять.

Данзас (входит в шинели). Приношу мои извинения. Вам придется меня принять. Я привез Александра Сергеевича. Он ранен. (Никите.) Ну что стоишь? Помогай вносить его! Только осторожно, не тряхните его.

Никита. Владычица небесная! Александра Николаевна, беда!

Данзас. Не кричи. Не тряхните его. Никита убегает. Велите дать огня. Пушкина

сидит неподвижно. Гончарова. Огня! Огня! Битков с зажженным канделябром

появляется в дверях кабинета. Данзас. Беги, помогай его вносить. Битков убегает с канделябром. Из внутренних дверей появилась горничная

девушка со свечой. В кабинет из передней пробежал Битков с канделябром и скрылся в глубине, а вслед за ним группа людей в сумерках пронесла кого-то в глубь кабинета.

Данзас тотчас закрыл дверь в кабинет. Пушкина. Пушкин, что с тобой?

Данзас. Нет, нет, не входите, прошу вас. Он не велел входить, пока его не перевяжут. И не кричите. Вы его встревожите. (Гончаровой.) Ведите ее к себе, я приказываю.

Пушкина (упав на колени перед Данзасом). Я не виновата! Клянусь, я не виновата!

Данзас. Тише, тише. Ведите ее. Гончарова и горничная девушка увлекают Пушкину во внутренние комнаты. Битков

выбегает из кабинета и закрывает за собой дверь. (Вынимает деньги.) Лети на Миллионную, не торгуйся с извозчиком, к доктору Арендту, знаешь? И вези его сюда сию минуту. Ежели его нету, где хочешь достань доктора, какого ни встретишь, вези сюда.

Битков. Слушаю. Понял, ваше высокоблагородие. На улице за окнами послышалась военная музыка. (Бросается к окну.) Ах ты, господи! Гвардия идет. Не пропустят.

Я черным ходом, проходным двором. (Убегает.) Гончарова появляется. Гончарова.

Дантес? Говорите правду, что с ним?

Данзас. Он ранен смертельно. Темно. Занавес ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ Ночь. Гостиная

Пушкина. Зеркала завешены. Какой-то ящик, солома. Стоит диванчик. На диванчике, не раздевшись, спит Данзас. Все двери закрыты. С улицы доносится по временам глухой гул толпы. Из кабинета тихонько появляется Жуковский со свечкой, сургучом и печатью. Ставит свечку на

фортепьяно, подходит к окну, всматривается. Жуковский. Ай-яй-яй...

Данзас. А? (Садится.) Мне приснилось, что я на гауптвахте. Ну, это натурально, сон в руку.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru Жуковский. Константин Карлович, я буду за вас просить государя. Данзас. Благодарю вас, но не извольте трудиться. Уж будем отвечать по закону. (Щупает эпюлету.) Прощайте. Эх, линейные батальоны, кавказские горы. Жуковский. Извольте глянуть, что на улице делается. Толпы растут и растут. Кто бы мог ожидать.

Данзас. Я уж насмотрелся. Из дверей во внутренние комнаты выходит Пушкина, с ней – горничная девушка. Горничная девушка. Барыня, извольте идти к себе. Барыня, пожалуйста.

Пушкина (девушке). Уйди. Горничная девушка отходит. (У дверей кабинета.) Пушкин, можно к тебе?

Данзас. Вот, не угодно ли!

Жуковский (преградив Пушкиной дорогу). Наталья Николаевна, опомнитесь. Пушкина. Какие глупости! Рана неопасна... Он будет жить. Но надобно дать еще опию, чтобы прекратить страдания... И тотчас, тотчас вся семья на Полотняный завод... Почему они не кончают укладку... "Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага..." Приятно... приятно... в молчании... Забыла, все забыла... Пушкин, вели, чтоб меня впустили к тебе.

Жуковский. Наталья Николаевна.

Данзас (в дверь столовой). Владимир Иванович... Доктор Даль... Даль входит. Помогите нам.

Даль. Наталья Николаевна, вам здесь нечего делать... (Берет склянку с фортепьяно, капают в рюмку лекарство.) Пожалуйста, выпейте. Пушкина отталкивает рюмку. Так делать не годится. Вам станет легче.

Пушкина. Они не слушают меня, я хочу говорить с вами.

Даль. Говорите.

Пушкина. Он страдает?

Даль. Нет, он более не страдает.

Пушкина. Не смейте меня пугать. Это низко... Вы доктор. Извольте помогать. Но вы не доктор, вы сказочник, вы пишете сказки... А мне не надобны сказки. Спасайте человека. (Данзасу.) А вы сами повезли его...

Даль. Уйдемте отсюда, я помогу вам. Горничная девушка берет под руку Пушкину.

Пушкина. "Приятно дерзкой эпиграммой..." Все забыла... Александрина я не верю.

Даль и горничная девушка уводят Пушкину. Данзас. Что она мне говорит?

Жуковский. Константин Карлович, как можно обращать внимание! Женщина, скорбная главой... Ведь ее заключают теперь, заключают...

Данзас. Но он не уехал бы от меня. Поверьте, я вызвал бы его. Но он не велел. И как вызовешь, когда завтра меня запрут.

Жуковский. Что вы говорите! Умножить горе хотите! Все кончено, Константин Карлович. Из-за закрытых дверей очень глухо донесся тихий складный хор. Данзас уходит через дверь в столовую и закрывает ее за собой. Из внутренних комнат выходит Гончарова, подходит к окну. Гончарова. А он этого не видит.

Жуковский. Нет, он видит, Александра Николаевна.

Гончарова. Василий Андреевич, я не пойду к ней больше. Оденусь сейчас и выйду на улицу. Мне тяжело, я не могу здесь больше оставаться.

Жуковский. Не поддавайтесь этому голосу, это темный голос, Александра Николаевна. Разве можно ее бросить? Ее надо жалеть, ее люди загрызут теперь.

Гончарова. Да что вы меня мучаете?

Жуковский. Я вам не велю, идите, идите туда: Гончарова уходит. (Прислушивается к хору.) Что ты наделал... Да, земля и пепел... (Садится, вынимает записную книжечку, берет перо с фортепьяно, записывает что-то.) ...Не сиял острый ум... (Сочиняет, бормочет.) В этот миг предстояло как будто виденье... и спросить мне хотелось, что видишь... Тихо входит Дубельт. Дубельт. Здравствуйте, Василий Андреевич.

Жуковский. Здравствуйте, генерал.

Дубельт. Вы собираетесь запечатать кабинет?

Жуковский. Да.

Дубельт. Я попрошу вас повременить, я войду в кабинет, а потом мы приложим и печать корпуса жандармов.

Жуковский. Как, генерал? Государю было угодно на меня возложить опечатание и разбор бумаг... Я не понимаю. Я должен разбирать бумаги один... Помилуйте, зачем же другая печать?

Дубельт. А разве вам неприятно, Василий Андреевич, ежели печать корпуса жандармов станет рядом с вашей печатью?

Жуковский. Помилуйте, но...

Дубельт. Бумаги должны быть представлены на прочтение графу Бенкендорфу.

Жуковский. Как? Но там же письма частных лиц. Помилуйте, ведь меня могут назвать доносчиком. Вы посягаете на единственно ценное, что имею, – на доброе имя мое. Я доложу государю императору.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дубельт. Вы изволите полагать, что корпус жандармов может действовать вопреки повелению государя императора? Вы полагаете, что вас осмелятся назвать доносчиком? Ах, Василий Андреевич... Неужели вы думаете, что правительство может принять такую меру с целью вредить кому-нибудь? Не для вреда это предпринимается, Василий Андреевич. Не будем терять времени.
Жуковский. Повинуюсь. Дубельт с канделябром входит в кабинет, потом возвращается, предлагает сургуч Жуковскому. Жуковский прикладывает печать.
С улицы донесся звон стекла и шум. Дубельт (тихо). Эй. Портьера внутренних дверей отодвигается, и появляется Битков. Ты кто таков, любезный?
Битков. Я часовой мастер, ваше превосходительство.
Дубельт. Сбегай, друг, на улицу, узнай, что там случилось.
Битков. Слушаю. (Скрывается.) Дубельт начинает запечатывать дверь. Жуковский. Кто мог ожидать, чтобы смерть его вызвала такие толпы... Всенародная печаль... Я полагаю, тысяч десять перебивало сегодня здесь.
Дубельт. По донесениям с пикетов, сегодня здесь перебивало сорок семь тысяч человек. Пауза. Битков (входит). Там, ваше превосходительство, двое каких-то закричали, что иностранные лекаря нарочно залечили господина Пушкина, а тут доктор выходил – какой-то швырнул кирпичом, фонарь разбили.
Дубельт. Ага. Битков скрывается. Ах, чернь, чернь... Хор за дверями вдруг послышался громче. (У дверей во внутренние комнаты.) Пожалуйте, господа. Внутренние двери открываются, в гостиную входят один за другим в шинелях, с головными уборами в руках десять жандармских офицеров. К выносу, господа, прошу. Ротмистр Ракеев, потрудитесь руководить выносом. А вас, полковник, прошу остаться здесь. Примите меры, чтобы всякая помощь была оказана госпоже Пушкиной своевременно и незамедлительно. Офицеры вслед за Ракеевым начинают выходить в столовую, кроме одного, который возвращается во внутренние комнаты. А вы, Василий Андреевич, останетесь с Натальей Николаевной, не правда ли? Страдалица нуждается в утешении...
Жуковский. Нет, я хочу нести его. (Уходит.) Дубельт один. Поправляет эполеты и аксельбанты, идет к дверям столовой.
Темно. Ночь на Мойке. Скупой и тревожный свет фонарей. Окна квартиры Пушкина за занавесами налиты светом. Подворотня. У подворотни тише, а кругом гудит и волнуется толпа. Полиция сдерживает толпу. Внезапно появляется группа студентов, пытается пробиться к подворотне. Квартальный. Нельзя, господа студенты, назад! Доступа нет. Возгласы в группе студентов: "Что такое? Почему русские не могут поклониться праху своего поэта?" Назад! Иваненко, сдерживай их! Не приказано. Не приказано пускать студентов. Внезапно из группы студентов выделяется один и поднимается на фонарь. Студент (взмахнув шляпой). Сограждане, слушайте! (Достает листок, заглядывает в него.) "Не вынесла душа поэта позора мелочных обид... Гул в толпе стихает. Полиция от удивления застыла. Восстал он против мнений света... Один, как прежде, и убит". В группе студентов крикнули: "Шапки долой!" Квартальный. Господин! Что это вы делаете?
Студент. "Убит. К чему теперь рыдания, похвал и слез ненужный хор... И жалкий лепет..." Засвистел полицейский. Квартальный. Снимайте его с фонаря! В толпе смятение. Женский голос в толпе: "Убили!" Студент. "Не вы ль сперва так долго гнали..." Свист. Полиция бросается к фонарю. Толпа загудела. В толпе крикнули: "Беги!" Караульный. Чего глядите? Бери его!
Студент. "Угас, как светоч, дивный гений..." (Слова студента тонут в гуле толпы.) "...Его убийца хладнокровно навел удар... Спасенья нет". (Скрывается.) Крик: "Держи его!" Полицейские бросаются вслед за студентом. Окна квартиры Пушкина начинают гаснуть. В тоже время на другой фонарь поднимается офицер в армейской форме. Офицер. Сограждане! То, что мы слышали сейчас, правда. Пушкин умышленно и обдуманно убит. И этим омерзительным убийством оскорблен весь народ...
Квартальный. Замолчать!
Офицер. Гибель великого гражданина совершилась потому, что в стране неограниченная власть вручена недостойным лицам, кои обращаются с народом, как с невольниками... Полиция засвистела пронзительно во всех концах. В подворотне появляется Ракеев. Ракеев. Эге-ге. Арестовать! Появились жандармы. Офицер исчезает. В тот же момент послышался топот лошадей. Крик в толпе: "Затопчут!" Толпа шарахнулась, заревела. Тесните толпу! Пространство перед подворотней очистилось. Окна квартиры Пушкина угасли, а подворотня начала наливать светом. Стихло. И тут же из подворотни потекло тихое, печальное пение, показались первые жандармские офицеры, показались первые свечи.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Темно. Пение постепенно переходит в свист вьюги. Ночь. Глухая почтовая станция.
Свеча. Огонь в печке. Смотрительша припала к окошку, что-то пытается рассмотреть
в метели. За окошком мелькнул свет фонарей, Послышались глухие голоса. Первым
входит станционный смотритель с фонарем и пропускает вперед
себя Ракеева и Александра Тургенева. Смотрительша кланяется. Ракеев. Есть кто на
станции? Тургенев, бросается к огню, греет руки. Смотритель. Никого нету ваше
высокоблагородие, никого.

Ракеев. А это кто?

Смотритель. Жена моя, супруга, ваше высокоблагородие.

Тургенев. Что это, чай? Налейте мне, ради бога, стакан.

Ракеев. И мне стакан, только поскорее. Через час дашь лошадей, под, возок тройку
и под... это... пару... Тургенев, обжигаясь, пьет чай. Смотритель. Тройку-то
ведь, ваше...

Ракеев. Через час дашь тройку. (Берет стакан, пьет.)

Смотритель. Слушаю, слушаю.

Ракеев. Мы на час приляжем. Ровно через час... Часы-то есть у тебя? Через час
нас будить. Александр Иванович, угодно, час поспим?

Тургенев. Ода, да, я не чувствую ни рук, ни ног.

Ракеев. Ежели будет какой-нибудь проезжий, буди раньше и дай знать жандарму.

Смотритель. Понял, понял, слушаю!

Ракеев (смотрительше). А тебе, матушка, нечего в окно смотреть, ничего там
любопытного нету.

Смотритель. Нечего, нечего... Слушаю. Пожалуйте на чистую половину. Смотрительша
открывает дверь, входит в другую комнату, зажигает там свечку,
возвращается. Ракеев вдет в другую комнату, Тургенев – за ним. Тургенев. Боже
мой! Дверь за Тургеневым и Ракеевым закрывается. Смотрительша. Кого, кого это
они?

Смотритель. Ежели ты на улицу выглянешь, я тебя вожжой. Беду с тобой наживешь.
Вот оказия навязалась! И нужно же было им по этому тракту... Выглянешь – я
тебе... Ты с ним не шути!

Смотрительша. Чего я там не видела... Станционный смотритель уходит.

Смотрительша тотчас припадает к окошку. Наружная дверь открывается, в нее
осторожно заглядывает Пономарев, потом
входит. Пономарев. Легли?

Смотрительша. Легли.

Пономарев. Давай на пятак, кости замерзли. Смотрительша наливает стакан водки,
подает огурцы. (Выпивает, закусьивает, трет руки.) Давай второй.

Смотрительша (наливая). Да что же вы так? Вы бы сели и обогрелись.

Пономарев. Обогрешься тут.

Смотрительша. А куда путешествуете?

Пономарев. Ох вы, бабье племя. Все равно как Ева... (Пьет, дает смотрительше
деньги и уходит.) Смотрительша набрасывает платок и уж собирается выйти наружу.
как в дверях показывается Битков. Он в шубенке, уши у него под шапкой повязаны
платком. Битков. Заснули? (Охает, подходит к огню.)

Смотрительша. Озябли?

Битков. Ты в окно погляди, чего ты спрашиваешь? (Садится, разматывая платок.) Ты
смотрительша? То-то я сразу вижу. Как звать?

Смотрительша. Анна Петровна.

Битков. Давай, Петровна, штоф! Смотрительша подает штоф, хлеб, огурцы. (Жадно
пьет, снимает шубенку.) Что же это такое, а?

Пресвятая богородица... Пятьдесят пять верст... Вот увязала.

Смотрительша. Кто это связала?

Битков. Судьба. (Пьет.) Ведь это рыбий мех, да нешто это мыслимо?

Смотрительша. Ну никому, ну никому, язык отсохни, никому не скажу! Кого везете?

Битков. Не твое дело, а государственное.

Смотрительша. И что же это вы нигде не отдыхаете? Да ведь замерзнете!

Битков. Об нас горевать не будут, а ему теперь не холодно. (На цыпочках подходит
к внутренней двери и прислушивается.) Захрапели, это зря. Ведь сейчас же будить!

Смотрительша. Куда везете?

Битков. Но-но-но... у меня выпытывать. Это, тетка, не твое дело, это наше
занятие. (Пауза.) В Святые Горы. Как его закопают, ну, тут и мою душу наконец на
покаяние. В отпуск. Его в обитель дальнюю, а меня в отпуск. Ах, сколько я стихов
переучил, будь они неладны.

Смотрительша. Что это вы меня мучаете, все непонятное говорите?

Битков (выпивает, пьянеет). Да, стихи сочинял... И из-за тех стихов никому
покая... ни ему, ни начальству, ни мне, рабу божьему Степану Ильичу... Я ведь за
ним всюду... Но не было фортуны ему. Как ни напишет, мимо попал, не туда, не те,

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
не такие...

Смотрительша. Да неужто казнили его за это?

Битков. Ну-ну-ну... Ну что с бабой разговаривать? Ох, дура!

Смотрительша. Да что вы ругаетесь?

Битков. Да как же тебя не ругать... А впрочем, может быть, ты и не дура...

Только я на него зла не питал, вот крест. Человек как человек. Одна беда - эти стихи... А я за ним всюду, даже и на извозчиках гонял. Он на извозчика, а я на другого - прыг! Он и не подозревает. Потеха!

Смотрительша. Да ведь теперь-то он помер. Теперь-то вы чего же за ним?

Битков. Во избежание. Помер... Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст... Вот тебе и помер... Я и то опасаясь: зароем мы его, а будет ли толк... Опять, может, спокойствия не настанет...

Смотрительша. А может, он оборотень?

Битков. Может, и оборотень. (Пауза.) Что это меня мозжит?.. Налей-ка мне еще... Что это меня сосет?.. Да, трудно помирал. Ох, мучился. - Пулю-то он ему в живот засадил...

Смотрительша. Ай-яй-яй...

Битков. Да, руки закусывал, чтобы не кричать, жена чтобы не услышала. А потом стих. (Пауза.) Только, истинный бог, я тут ни при чем. Я человек подневольный, погруженный в ничтожество... Ведь никогда его одного не пускали, куда он, туда и я. Ни на шаг, ни-ни-ни... А в тот день меня в другое место послали, в среду-то... Я сразу учуял, - один чтобы. Умные. Знают, что сам придет куда надо. Потому что пришло его время. Ну, и он прямо на Речку, а там уж его дожидаются. (Пауза.) Меня не было. (Пауза.) А в ихний дом мне теперь не ходить больше.

Квартира там теперь пустая, чисто.

Смотрительша. А этот господин-то с вами?

Битков. Александр Иванович, господин Тургенев, сопровождающий. Никого не пустили. Ему одному велено. Господин Тургенев.

Смотрительша. А старичок-то?

Битков. Камердинер его.

Смотрительша. Что же он не обогреется?

Битков. Не желает. Уж мы с ним бились, бились, бросили. Караулит, не отходит. Я ему вынесу. (Встает.) Ой, буря... Самые лучшие стихи написал: "Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя..." Слышишь, верно; как дитя. Сколько тебе за штоф?

Смотрительша. Не обидите.

Битков (швыряет на стол деньги широким жестом). "То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит... То, как путник запоздалый, к нам в окошко..." Входит станционный смотритель. Подбегает к внутренним дверям, стучит. Смотритель. Ваше высокоблагородие, ехать, ехать... Во внутренних дверях тотчас показывается Ракеев. Ракеев. Ехать. Конец КОММЕНТАРИИ Впервые опубликована в сборнике пьес: Булгаков М.А. Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин). М., 1955. Затем: Булгаков М. А. Пьесы. М., 1962; Булгаков М. А. Драммы и комедии. М., 1965; Булгаков М.А. Пьесы. М., Советский писатель, 1986; Булгаков М.А. Кабала святош. М., Современник, 1991.

Публикуется по расклейке последнего издания. У истоков этой публикации стояла Е. С. Булгакова, а Л. Е. Белозерская, участвуя в составлении сборника "Пьесы-86", как бы подтвердила правомерность этого выбора.

Этот текст возник в итоге театральной доработки: так вместо названия пьесы "Александр Пушкин" стало: "Последние дни (А. С. Пушкин)", сокращены некоторые реплики и ремарки.

Премьера спектакля "Последние дни (Пушкин)" во МХАТе состоялась 10 апреля 1943 года. И за этим текстом пьесы сохраняется право на публикацию.

Кроме того, в основном корпусе тома печатаем "окончательный текст" пьесы "Александр Пушкин", датированный 9 сентября 1935 года, который по общему мнению исследователей является второй редакцией пьесы (См.: ОР РГБ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 6 / Булгаков М. А. Собр. соч. в пяти томах, т. 3, М., 1990).

В Приложении публикуем рукопись пьесы "Александр Пушкин", законченной 27 марта 1935 года / См.: РГБ, ф. 562, к. 13, ед. хр. 5. Впервые: Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПб, 1994/, первый вариант, законченный 29 мая 1935 года / ИРЛИ, ф. 369, э 28. Впервые: Булгаков М. А. Черный маг. Киев, 1990. Затем: Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПб, 1994/, и "Изменения в сцене бала" / ИРЛИ, ф. 369, э 220. Впервые: Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПб, 1994/.

"Наброски из черновой тетради", "Первый вариант" и "Изменения в сцене бала" печатаются по ксерокопии книги: Булгаков М. А. Пьесы 30-х годов. СПб, 1994.

Подготовка текста и примечания - И. Е. Ерыкалова. Составитель использовал

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru некоторые текстологические наблюдения подготовитель этих рукописей. Вполне возможно, что мысли написать о Пушкине возникли у М. А. Булгакова еще во Владикавказе, во всяком случае в "Записках на манжетах" он высказал свою любовь к великому писателю, защищая его в диспуте от оголтелых нападок пролеткультовского толка. О Пушкине в то время писали много и многие, а в 1937 году предполагалось отметить 100 лет со дня его гибели: театры готовы были к тому времени поставить пьесы. Так возникла мысль написать пьесу "Александр Пушкин".

Но в литературе о Пушкине было много противоречивого материала, много неясностей, сложностей, "белых пятен" в биографии поэта. И Булгаков предложил В. В. Вересаеву, автору популярной книги "Пушкин в жизни", написать пьесу в соавторстве: Вересаев поставляет материал, а Булгаков "обрабатывает" его, создавая пьесу. Но из этого творческого союза ничего не получилось: о сложностях и противоречиях этой творческой работы можно прочитать в переписке двух писателей, опубликованной Е. С. Булгаковой в журнале "Вопросы литературы" (1965, э 3), а также: Булгаков М. А. Письма. М., 1989.

Тщательно изучая материалы о Пушкине, в том числе и представляемые В. В. Вересаевым, М. А. Булгаков писал ему 20 мая 1935 года, когда работа над пьесой подходила к концу: "Вы говорите, что Вы, как пушкинист, не можете согласиться с моим образом Дантеса. Вся беда в том, что пушкиноведение, как я горько убедился, не есть точная наука" ("Письма", с. 340).

Булгаков перечитал прежде всего самого Пушкина, его письма, дневниковые записи, воспоминания о нем и его времени, о его современниках. Особенно тщательно он изучил все материалы о гибели поэта. И здесь он нашел много противоречивых материалов, которые нуждались в критическом использовании. Прежде всего он поставил себе цель – "воскресить минувший век во всей его истине" (А. С. Пушкин).

Ведь пушкиноведение – "не есть точная наука". Сам В. В. Вересаев высказывал неверные суждения. В частности, в статье "В двух планах" он отделял Пушкина-поэта от Пушкина-человека: "В жизни – суетный, раздражительный, легкомысленный, циничный, до безумия ослепляемый страстью. В поэзии – серьезный, несравненно-мудрый и ослепительно-светлый, – "весь выше мира и страстей" (Вересаев В. В. В двух планах: статьи о Пушкине. М., 1929. с. 140). Многие не соглашались с такой огрубленной трактовкой личности Пушкина. В. Шкловский, по воспоминаниям В. Каверина, сказал, что книга В. Вересаева "Пушкин в жизни" – "это Пушкин, от которого отняли перо и чернила". Критически отнеслись к этой книге такие известные ученые, как Н. Пиксанов, Д. Щеголев, М. Цявловский, Г. Винокур и др. М. Цявловский обращал внимание на то, что В. Вересаев упорно в своих статьях и книге "Пушкин в жизни" развивал мысль "о полной разобщенности Пушкина-человека и Пушкина-поэта". И эти мысли В. Вересаева совершенно неприемлемы.

"Однако мысль В. Вересаева о "двух планах" пушкинской личности оказалась очень живучей, – писал А. Г. Рабинянц. – В 1930-х г.г. в статьях других авторов она доводилась до крайности. С поэтом вообще не считались как с человеком, и он лишался каких бы то ни было личных мотивов, взглядов, желаний. О нем сочиняли самые разные, подчас странные книги и пьесы. В 1935 году самому Вересаеву пришлось защищать от таких авторов Пушкина, ибо, как он писал, "даже при жизни Пушкина никакие Булгарины не печатали о нем подобных гнусностей", как некоторые ученые и критики в 1930-х г.г. Именно к пушкинистам обращался со словами "пощадите классика!" В. Стенич, в борьбе за "пристойное обращение с пушкинским наследием" нужны были очень серьезные меры". (А. Г. Рабинянц. Из творческой истории пьесы М. Булгакова "Александр Пушкин". Булгаков и пушкинистика 1920-1930 г.г. – сб. "Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова", л. 1987. с.79-80 и др.)

По письмам к В. Вересаеву и другим источникам установлено, что М. А. Булгаков тщательно изучил и сделал выписки из следующих книг: Щеголев П. Е. "Дуэль и смерть Пушкина", Лемке М. К. "Николаевские жандармы и литература 1826-1855 г.г.", "Воспоминания" В. А. Сологуба, "Литературные воспоминания" И. И. Панаева, "Приключения Лифляндца в Петербурге", "Петербургские очерки П. В. Долгорукова, "Записки" А. В. Никитенко, Н. И. Греча и др.

А. Г. Рабинянц совершенно правильно отмечает: "Булгаков создавал свое произведение в полемике с критиками, поэтами, пушкинистами. Взвзвись за самую трудную, мало исследованную тогда историю дуэли и гибели, он самостоятельно изучал материалы, не принимая на веру ни одного пушкинистского утверждения". Вместе с тем не лишено основания и другое утверждение: "О роли Николая I в событиях пушкинской смерти Булгаков почти полностью согласился с А. Поляковым, П. Щеголевым, М. Лемке, Г. Чулковым, М. Цявловским, Б. Казанским", В этом вопросе Булгаков оказался не выше пушкиноведения 1930-х г.г. Сегодня, на основе

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru новых материалов, автор книги "Пушкин в 1836 году" С. Г. Абрамович пишет, что "поведение Николая I в деле Пушкина не было, конечно, ни единственной, ни тем более определяющей причиной январской трагедии... Никакого "адского" злодейства царь не совершил: наивно приписывать ему некие тайные козни и заранее разработанные планы, направленные на то, чтобы погубить Пушкина. Николай I не давал себе труда быть интриганом, он был слишком самодержцем, чтобы испытывать в этом потребность" (Там же, с. 85 и 84).

А между тем А. Гозенпуд приводит многочисленные свидетельства в пользу именно роковой роли Николая I в гибели Пушкина: "В пьесах В. Каменского "Пушкин и Дантес" (1924) и Н. Лернера "Пушкин и Николай I" (1927) трагедия затравленного светской чернью гения подменялась темой обманутого мужа, узнающего об измене жены. Пасквиль не только оказывался единственной причиной гибели поэта, но, что неизмеримо страшнее, в нем, как считали авторы, заключалась истина. В пьесе Н. Лернера герой произносит, обращаясь к жене: "Какое у тебя лживое и бесчестное лицо. Ты все время мне лгала, лгала. Я все больше узнаю правду о тебе. Так вот перед кем я много раз унижал свой гордый ум".

Император в пьесе Лернера вместе с Бенкендорфом сочиняет текст оскорбительного "диплома" на звание коадьютора ордена рогоносцев, провоцируя дуэль. Николай I занят только тем, что борется с Пушкиным, радуется его гибели (он присутствует в комнате, примыкающей к той, где умирает поэт) и цинично ухаживает за его женой. Он прямой убийца поэта.

Герой пьесы В. Каменского также осыпает упреками жену, увидев, как ее обнимает и целует Дантес. Вызвав Дантеса на дуэль и осушив три бутылки шампанского, он восклицает патетически: "Я поднимаю меч... чтобы отныне не одним только словом бороться с этой мешанской сволочью, но и оружием. Я хочу проучить этого негодяя Дантеса, в котором одним сосредоточены все мерзости общества, весь гной света, весь ужас и зло нашей царской дворни".

В начале драмы, в селе Михайловском, где уже в 1825 году Дантес преследует изгнанника, поэт заявляет Пушину: "Я сам головою против царя, против нашей жандармской власти... я за народ, за республику. За революцию... за немедленную..."

Пьеса В. Каменского первоначально заканчивалась смертью Дантеса – его убивал на дуэли Пушкин. А затем, перед занавесом должен был появиться автор и пояснить изумленным зрителям, что у него не поднялась рука. Об этом автору статьи рассказывал постановщик спектакля К. П. Хохлов (Ленинград, Театр драмы). Этот оптимистический финал, однако, не увидел света ramпы.

В кинофильме "Поэт и царь" (1927) в то мгновение, когда Дантес собирался выстрелить, Николай I в кадре нажимал курок пистолета. Так буквально была реализована метафора Э. Багрицкого:

Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай.

А. Гозенпуд, ссылаясь на свою беседу с Е. С. Булгаковой в 1949 году, на даче К. Г. Паустовского, утверждает, что Булгаков с некоторыми пьесами о Пушкине был знаком, хотя они и не были опубликованы, "возмущался дерзостью авторов". (См.: А. Гозенпуд. "Последние дни ("Пушкин") (Из творческой истории пьесы) в сборнике "М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени". М., 1988, с. 155)

Машинописные экземпляры пьес И. Лернера и В. Каменского, на которые ссылается А. Гозенпуд, хранятся в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского. Пожалуй, над пьесой "Александр Пушкин" Булгаков работал больше и тщательнее, чем над некоторыми другими своими произведениями. И тому несколько причин: В. В. Вересаев, суровый оппонент чуть ли не всего того, что создавал Булгаков; писал о любимом, писателе, судьба которого была столь же тягостна, как и его собственная; светила малюсенькая надежда поставить эту пьесу к 100-летию со дня гибели Пушкина в 1937 году.

О ходе работы над пьесой узнаем из переписки с В. Вересаевым, П. С. Поповым, из документов и "дневника" Е. С. Булгаковой.

25 августа 1934 года Е. С. записывает: "У М. А. возник план пьесы о Пушкине. Только он считает необходимым пригласить Вересаева для разработки материала, М. А. испытывает к нему благодарность за то, что тот в тяжелое время сам приехал к М. А. и предложил в долг денег. М. А. хочет этим как бы отблагодарить его, а я чувствую, что ничего хорошего не получится. Нет ничего хуже, когда двое работают".

18 октября 1934 года: "Днем были у В. В. Вересаева. М. А. пошел туда с предложением писать вместе с В. В. пьесу о Пушкине, то есть чтобы В. В., подбирая материал, а М. А. писал.

Мария Гермогеновна встретила это сразу восторженно. Старик был очень тронут, несколько раз пробежался по своему уютному кабинету, потом обнял М. А.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В. В. зажегся, начал говорить о Пушкине, о двойственности его, о том, что
Наталья Николаевна была вовсе не пустышка, а несчастная женщина.

Сначала В. В. был ошеломлен – что М. А. решил пьесу писать без Пушкина (иначе
будет вульгарной) – но, подумав, согласился".

18 декабря: "У Вересаева. М. А. рассказывал свой план пьесы. Больше всего
запомнилось: Наталья, ночью, облитая светом улицы. Улыбается, вспоминает. И там
же – тайный приход Дантеса. Обед у Салтыкова. В конце приход Дантеса с известием
о ранении Пушкина".

28 декабря: "...В девять часов вечера Вересаевы. М. А. рассказывал свои мысли о
пьесе. Она уже ясно вырисовывается".

12 февраля 1935 года: "Вечером – к Вересаевым. М. А. читал четвертую, пятую,
шестую, седьмую и восьмую картины. Старик больше всего понравилась четвертая
картина – в жандармском отделении.

Вообще они все время говорят, что пьеса будет замечательная, несмотря на то, что
после читки яростно критиковали некоторые места. Старик не принимает выстрела
Дантеса в картину.

А Мария Гермогеновна оспаривает трактовку Натальи. Но она не права, это признал
и В. В."

28 мая 1935 года: "М. А. диктует все эти дни "Пушкина". 2 июня – чтение в
Вахтанговском театре, а 31 мая он хочет несколько знакомым дома прочесть".

29 мая: "Сегодня М. А. закончил первый вариант "Пушкина". Пишу вариант, так как
М. А. сам находит, что не совсем готово.

Пришел Вересаев и взял экземпляр с тем, чтобы завтра вечером придти обсуждать".

30 мая: "Был Вересаев. Начал с того, что говорил о незначительных изменениях в
ремарках и репликах (Никита не в ту дверь выходит, прибавить Богомазову слова
"на театре")".

Потом пришел Гр. Конский, и мы с ним сидели в кабинете, а М. А. и Вересаев
разговаривали в столовой. Со слов М. А. – старик вмешивается в драматургическую
область, хочет ломать образ Дантеса, менять концовку с Битковым и т. д. Сначала
говорил очень решительно, даже говорил, что им "придется разъехаться" и он
снимет свою фамилию (получая 50% гонораров). Но потом опять предложил – давайте
мириться.

Решили – 1-го опять встретиться.

1 июня. Вчера было чтение. Оленька, ребята, Дмитриев, Жуховицкий, Ермолинские,
Конский, Яншин и мы с Лоли (и Лоли, и Оля плакали в конце).

Оля, уходя сказала:

– Пройдут века, а эта пьеса будет жить. Никто никогда так о Пушкине не писал и
не напишет.

Яншин потом за ужином сказал, что эта пьеса перекликается с "Мольером" и что М.
А. за нее так же будут упрекать, как за "Мольера" – что не выведен великий
писатель, а человек, что будут упрекать в поверхности, что он, как актер, знает,
что это не так. Говорил, что ему не понравились Наталья, Дантес и Геккерен...
Дмитриев позвонил часа в четыре ночи и сказал, что пьеса "замечательна", "она
его встревожила, он взволнован, не может уснуть. Она так необычна, так
противоречит всему общепринятому".

2 июня. Сегодня М. А. читал вахтанговцам. Успех большой. После чтения говорили
сначала артисты, потом М. А. и Вересаев. М. А. аплодировали после его
выступления и после чтения".

Все лето 1935 года М. А. Булгаков шлифовал пьесу, вел полемику с Вересаевым.
Пьесой заинтересовались "наверху".

20 сентября Е. С. Булгакова записала, что Репертком разрешил "Пушкина", а днем
раньше она отправила в Ленинград Вольфу в Красный театр – "под двумя фамилиями".

Пьесой заинтересовались мхатовцы, вахтанговцы протестуют против постановки во
МХАТЕ; Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович думают написать оперы на эту тему.
Даже в газетах мелькнули сообщения о том, что М. Булгаков написал пьесу
"Александр Пушкин" и в ближайшее время Театр им. Вахтангова осуществит ее
постановку. За это время были заключены договоры со многими театрами. Но все
перечеркнула статья в "Правде" от 9 марта 1936 года "Внешний блеск и фальшивое
содержание" – о мхатовском "Мольере".

16 марта 1936 года состоялся разговор с председателем комитета по делам искусств
П. Н. Керженцевым, после которого Булгаков сказал Е. С. Булгаковой, что
"Пушкина" снимут.

Так оно и оказалось. Началась травля "драмоделов" – Булгакова и Вересаева.
Лишь через три года после этого МХАТ возобновил разговоры о постановке пьесы; Но
Булгаков так и не увидел свою пьесу на сцене.

Эти комментарии относятся и к публикуемой в этом томе пьесе под названием
"Александр Пушкин", ко всем здесь публикуемым материалам о Пушкине.

Последние дни (Пушкин). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!